

Евгения Сафонова

Некоторые сказки
начинаются
со смерти героя

НекрѠман:с
Ориг 1

Евгения Сергеевна Сафонова

Некроманс. Opus 1

Серия «Охотники за мирами»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68675873
Некроманс. Opus 1 / Евгения Сафонова.: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-174127-3

Аннотация

Тёмная королева, которая правит железной рукой. Чудовище, что угрожает всем живым. Герой, которому суждено победить их.

Многие сказки – об этом. Но что делать, если ты угодила в злую сказку, где тебе уготовано умереть на первых страницах?

Виолончелистке Еве напророчено стать героем, но она погибает, не успев свершить предначертанное. Только вот у одного некроманта на неё свои планы. А некромантам не может помешать такая мелочь, как смерть.

Втянутая в смертельный заговор, существуя на грани между жизнью и небытием, сможет ли Ева обрести счастье? И можно ли обмануть судьбу, которая сулит, что цена победы – её гибель?

Роман Евгении Сафоновой, автора популярных циклов «Тёмные игры Лиара» и «Сага о Форбидендах».

Первая книга дилогии, которая пронизана атмосферой музыки и смерти.

Нестандартный авторский мир и необычная главная героиня, чья история начинается с того, что она умерла.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	67
Глава 4	102
Глава 5	119
Глава 6	145
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Евгения Сафонова

Некроманс. Opus 1

Всем, кто творит и грезит о вершинах, всем, кто потерял, всем, чья душа звучит, всем, кто когда-нибудь сомневался, что вы и то, что вы делаете, нужно и важно, всем, кто боится смерти, и всем читателям, которые были и будут с моими ребятами до конца.

*Спасибо Марии Курилкиной-Вениковой,
Татьяне Казунке и Светлане Песецу
за вдохновение и поддержку.
Спасибо Вячеславу Бакулину,
Кире Фроловой, Юле Яковлевой,
Ане Петелиной, Ите Куралесиной
и Полине Граф – прекрасной команде,
без которой этой книги не было бы.*

И спасибо моему мужу, который всегда терпеливо ждёт, когда я поставлю точку в новой книге.



© Сафонова Е.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022



* * *



Opus – *лат.* opus, «произведение». Обозначение порядкового номера данного сочинения в списке (чаще всего хронологическом) произведений данного автора.

Перефразируя словари

Глава 1

Funebre¹

*Музыка – самый сильный вид магии.
Мэрилин Мэнсон*



Новая жизнь Евы Нельской – хотя назвать это жизнью, как она вскоре убедилась, было бы не совсем корректно – началась с того, что она открыла глаза на алтаре.

¹ Траурно, похоронно (музыкальный термин).

Впрочем, Ева считала, что её историю стоило бы начать немного раньше. С того, как её безжизненное тело впервые возникло на жизненном пути некоего молодого человека.

А по-хорошему, ещё немножко раньше: когда около трёх часов пополудни Ева спешила домой, возвращаясь из колледжа, но вместо этого при весьма досадных обстоятельствах очутилась в сумрачном лесу. Да к тому же в другом мире.

По законам жанра ей положено было бы эффектно провалиться в кроличью нору или волшебное зеркало, но портал в сказочную страну оказался до обидного незаметным. Только что Ева падала посреди наземного перехода у Пушкинской площади, в самом центре Москвы – вокруг шумел мегаполис, гудели машины и в ужасе кричали прохожие. В следующую секунду шум, гудки и крики стихли резко, словно их выключили.

Учитывая, что предшествовало этой секунде, Ева ждала болезненного и фатального удара об асфальт, но вместо этого она упала лицом вниз в прелую листву: после автомобильного выхлопа её влажный запах казался сладким.

Отплевавшись от листьев, девушка села и посмотрела перед собой.

С перехода она могла бы увидеть театр «Россия» и сквер на площади, скрывший памятник великому поэту; в Москве стоял погожий апрель, приодевший деревья в нежный лиственный пушок. Вместо этого Ева увидела лес – осенний, холодный, с узловатыми голыми ветвями – и темень, которая

едва ли могла воцариться в три часа пополудни.

Если это и памятник Пушкину, то разве что нерукотворный, сперва только и смогла подумать Ева.

Серые стволы деревьев слегка светились во тьме. Потом она поняла – светятся не стволы, а проросший на них фиолетовый мох: он фосфоресцировал, как тропический прибор.

От удивления – а может, от шока – Ева даже не вспомнила о виолончели в футляре за спиной, хоть футляр и мешал ей выпрямиться. А ведь инструмент вряд ли мог не пострадать при досадных обстоятельствах, сопровождавших перемещение её хозяйки в лес. Ева и сама пострадала, но происходящее заставило забыть о ссадинах и ноющих ногах.

Мысль о сне или бреде она отмела моментально: промозглый холод, без труда проникший под лёгкую вельветовую куртку, был слишком убедительно промозглым. Гипотеза о загробном мире тоже выглядела сомнительно, пусть и напрашивалась: при всём уважении к Данте в его концепцию мироздания Ева категорически не верила.

Поскольку все свободные поверхности в квартире Евы оккупировало огромное количество книг, во многих из которых герои попадали в волшебную страну, она решила не следовать примеру большинства героев и, пропустив стадию отрицания, перескочить на стадию принятия.

Она в волшебной стране. В другом мире. Раз так, впереди её ждёт нечто удивительное: будь то курящие синие гусеницы, местный тёмный властелин или гостеприимные люди

в турбанах (с чашечкой чудесного напитка, который дома Ева безуспешно мешала из чая, кофе и шоколада). И конечно, по законам жанра Ева сыграет в судьбе этого мира некую важную роль. Возможно, ей суждена встреча с местным прекрасным принцем, но лучше сольное спасение мира от сил зла: не зря же феминистические тенденции пользовались у сказочных героинь всё большим успехом.

Не стоит ожидать, что путь её будет устлан розами. Даже если будет, не стоит забывать, что к розам обычно прилагаются шипы. Стало быть, сперва надо осторожно разведать, что это за лес и не граничит ли он с обителью того самого тёмного властелина: обидно будет попасть в лапы его прислужников, не успев даже как следует оглядеться. К тому же пока Ева не встретила ни одного из верных друзей, которыми наверняка здесь обзаведётся, а без верных друзей разобратся с силами зла будет проблемати...

...эти размышления заняли у Евы не больше двадцати секунд. Тех двадцати секунд, которые длилось её спокойное пребывание в этом мире, исполненное надежд, энтузиазма и веры в светлое будущее. Тех двадцати секунд, что миновали до мгновения, когда она поднялась с земли и обернулась.

В следующий миг её разогнавшуюся фантазию самым бесцеремонным образом оборвал арбалетный болт.

Боли Ева не почувствовала. Не успела. Просто увидела женщину в чёрном плаще, сжимавшую в руках арбалет. Он сиял, словно сотканный из ржавого огня. В воздухе мельк-

нул сверкающий росчерк, и что-то толкнуло Еву примерно там, где билось сердце.

Влажная листва устремилась ей навстречу.

Позже Ева сообразила: наверняка её держали на прицеле все двадцать секунд, но убийца целилась сзади, а виолончельный футляр надёжно прикрывал Еве спину и голову. А может, дело не в футляре – просто кошке забавно было дать мышке подышать перед смертью.

Простительная слабость. Учитывая, что результата охоты это не изменило.

Когда Ева кое-как подняла голову, женщина стояла над ней: темноволосая, с бледным узким лицом, подсвеченным пламенными сполохами арбалета. Если б острие следующего болта – огненного, как и арбалет, – не было устремлено Еве в лоб, она бы подумала, что незнакомка красива.

Ей оказалось немножко не до того.

– Подожд... – начала Ева.

Женщина, не сказав ни слова, нажала на спусковой крючок.

На этом месте истории Евы суждено было бы бесславно закончиться. Вопреки всем законам жанра. Потому что догадки Евы касательно её Избранности были очень близки к истине, а Избранным не положено умирать в самом начале сказки. Особенно от рук главного злодея, не поддавшегося роковому искушению всех злодеев – перед убийством своего

визави позлорадствовать и поболтать.

Как говорят англичане, желая смягчить данным эвфемизмом нецензурное, но очень меткое выражение, «*it happens*».

Однако, как уже было сказано, безжизненное тело Евы возникло на жизненном пути некоего молодого человека (учитывая, что жизненный путь Евы к тому моменту оборвался, выразиться «их пути пересеклись» было бы несколько некорректно). А молодой человек был очень заинтересован в том, чтобы её история продолжилась.

Именно поэтому часом позже Ева открыла глаза на алтаре.

Пробуждение чем-то напоминало побудку после вечеринок, которыми струнники их курса ознаменовывали окончание сессии. Разве что головная боль вкупе с тошнотой отсутствовала, а так – полный комплект: дезориентация, некая вялость в теле и полнейшее непонимание того, кто ты, где ты и как тут оказалась.

Некоторое время Ева смотрела в потолок, надеясь, что занятная готическая лепнина подскажет ей ответы на эти непростые вопросы. Не дождавшись, повернула голову – и встретила взгляд того, кому отныне была обязана не-жизнью.

– С восставанием, – сказал Гербеуэрт тир Рейоль: потомственный некромант, самый юный магистр за всю историю Керфианского Колдовского Ковена и обладатель весьма занятного генеалогического древа.

Конечно, в тот момент Ева не знала ни его имени, ни степени, ни рода занятий. Просто увидела белобрысого молодого человека в странном наряде, напомнившем то ли об аниме-фестивалях, то ли о сходках ролевиков: длинная рубашка с рюшами, перепоясанная на талии кожаным ремнём, чёрные штаны и порядком замызганные туфли.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

Некоторое время Ева созерцала, как вокруг его правой руки, паря в воздухе, сам собой наматывает круги марлевый бинт. Спустя пару секунд к бинту подлетели старинные ножницы с затейливыми завитушками на ручках – они аккуратно обрезают широкую ленту, тут же завязавшуюся бантом.

Следом Ева оглядела помещение, где оказалась: библиотека старинного замка, посреди коей водрузили большой чёрный камень, на котором девушка и покоилась.

Как ни странно, Ева не слишком удивилась. Все чувства казались словно приглушёнными, что она тоже отметила с отстранённостью естествоиспытателя.

– Как тебя зовут? – не дождавшись ответа, вновь спросил белобрысый.

Называть его «белобрысым» было не совсем верно: длинная, до плеч, шевелюра молодого человека щеголяла изысканным оттенком бледного золота. Но так Еве легче было его идентифицировать.

К ней урывками стали приходить ответы, которые минутой ранее она тщетно надеялась выведать у потолка.

Точно. Она – Ева Нельская. Семнадцать лет, виолончелистка, студентка третьего курса небезызвестного московского музыкального колледжа. И никакой попойки не было – до летней сессии ещё месяц с лишним. Были возвращение домой с пар и привычная дорога до метро, но до метро Ева не дошла, потому что...

Потому что...

– Если не можешь вспомнить, – неведомым образом угадав её мысли, сказал белобрысый, – это нормально. Я заживил раны, но при столь серьёзной травме головы полное восстановление может быть невозможным. К тому же твой мозг уже начал умирать, когда я остановил процесс. Частичная потеря памяти в твоём состоянии была бы естественным явлением.

К его ногам принялся ластиться откуда-то взявшийся белый кот. Без хвоста. И вместо того чтобы думать о прозвучавших словах (или хотя бы о том, как бинт может летать), Ева просто смотрела, как кот трогательно бодается о щиколотки белобрысого. Это было проще: кот – он и в другом мире кот.

...точно. После наземного перехода был лес. Другой мир. Женщина с огненным арбалетом.

Воспоминание заставило Еву сесть; тело подчинялось неохотно, будто чужое, однако в конце концов она всё же с ним поладила. Машинально коснулась лба там, куда вонзилась огненная стрела, а теперь не осталось даже шрама.

Стало быть, в этом мире есть маги. Белобрысый – один из них, о чём свидетельствуют оживший бинт и левитирующие ножницы. И вполне естественно, что маги умеют не только гостеприимно встречать иномирных гостей огненными стрелами, но и устранять последствия этого.

Размышления о том, с чего она удостоилась столь тёплой встречи, Ева решила оставить на потом.

– Я... мне в голову... ты меня спас?

Разлепить губы тоже удалось не без труда. Вопросы вышли не слишком вежливыми – особенно в свете того, что она так и не удостоила собеседника ответами, – но в данный момент на большее Еву не хватило.

Молодой человек улыбнулся:

– С технической точки зрения – нет.

Эта улыбка была немножко, самую капельку неприятной. И хотя до того Ева не видела в лице напротив ни намёка на беспокойство, ей показалось, что при звуке её голоса в его глазах – голубых и колючих, как льдинки, – мелькнуло облегчение.

– Но... Ты сказал, что заживил мои раны, и... Это ты принёс меня сюда?

Еве не давало покоя ощущение некоей неправильности. Она чувствовала себя очень, очень странно. Чего-то остро не хватало, но чего, понять она не могла. Даже то, как она говорила... Казалось, она забывает о какой-то важной детали, о которой раньше просто не задумывалась.

– Я не мог поднять тебя на месте. Чары, вернувшие тебя, весьма специфические, все необходимые процедуры я мог провести только здесь. К тому же для ювелирной работы алтарь лучше. Одна ошибка, и ты встала бы банальным умертвием, – буднично пояснил белобрысый. – Я заживил твои раны – пока тело не остыло, это элементарно. Попытался тебя оживить. Когда понял, что уже поздно, погрузил в стазис, чтобы предотвратить смерть мозга, и перенёс сюда. Обмыл, провёл прочие подготовительные ритуалы. И потом уже спокойно поднял.

С восприятием слова «стазис» у Евы возникли некоторые сложности. Услышала она нечто совсем другое, но сознание само собой переправило услышанное на знакомый термин. Мельком скользнула мысль о том, что в ином мире и язык должен быть иной, и без помощи магии они с белобрысым вряд ли смогли бы спокойно общаться; однако сейчас ей подкинули куда более интересную информацию к размышлению.

– *Поднял?*

– А, вот мы и подошли к самому интересному. – Молодой человек лениво нагнулся, чтобы потрепать кота по голове. – Видишь ли, если ты ещё не заметила, ты не совсем жива.

...в этот миг Ева наконец поняла, чего ей не хватает. Дыхания. И запахов, обычно дорисовывавших картину мира. Она не дышала, пока не начинала говорить: лишь тогда на автомате хватала губами воздух, чтобы тот колебал голосо-

вые связки.

Реакция, о которой она никогда даже не задумывалась. До сего момента.

– Я... мертва?

– Тоже не совсем. Если ты и этого не заметила, – иронично добавил белобрысый. – Ты находишься в том состоянии, которое позволит ограниченным умам наречь тебя «неупокоённой».

Как ни странно, на этом месте Ева не впала в истерику. Лишь накрыла пальцами правой руки запястье левой, пытаюсь прощупать пульс. Когда попытка не увенчалась успехом, уставилась на свои ладони, заботливо отмытые кем-то от лесной грязи.

Опустила взгляд на грудь, встретившую другую стрелу.

Вместо джинсового сарафана на ней красовалась такая же рубашка с рюшами, как у её собеседника. Кеды, колготки и нижнее бельё испарились – вместе с курткой и любимой футболкой; хорошо хоть рубашка, расстёгнутая до живота, доставала почти до колен. От раны напротив сердца не осталось и следа, зато новый наряд открывал крупный рубин в каплевидной оправе, слегка мерцавший в ложбинке. Наверное, Еве даже понравилось бы подобное украшение... если б камень висел на цепочке.

Рубин сиял прямо в коже. Вживлённый в неё, словно режиссёр в груди небезызвестного филантропа в летающем костюме.

– Он удерживает твоё тело от разложения, – любезно подсказал белобрысый, пока Ева смотрела на рубин. Белая кожа плотно льнула к серебряной оправе, испещрённой рунами; внутри камня клубился и пульсировал зловещий багряный свет. – А ещё упрощает процесс передачи энергии.

Ева подняла непонимающий взгляд.

– Даже умертвия не могут обходиться без внешней подпитки. Ты – тем более. При жизни ты расходовала энергию, чтобы переваривать пищу и обогревать тело. Чтобы дышать, гонять кровь и заставлять сердце биться. Смерть избавила тебя от всей этой рутины, однако мозг продолжает потреблять твои физические силы. Меньше, чем обычно, ведь теперь ему не надо поддерживать жизнедеятельность организма, но тем не менее. – Молодой человек отстранённо наглаживал кота, трущегося у его ног. – Кроме того, ты будешь двигаться и говорить. Ты тратишь энергию каждый раз, когда моргаешь или открываешь рот. Поскольку теперь ты не сможешь возмещать расход энергии посредством пищи, ты будешь получать её от меня.

Кот блаженно жмурился, но даже не думал мурлыкать. Или делал это так тихо, что Ева не могла расслышать.

– То есть ты некромант, – на удивление спокойно резюмировала Ева. – А я теперь твой зомби-слуга.

Вот, опять. Вместо «зомби» она явно произнесла что-то другое. Как, собственно, и вместо «некроманта». И вместо всех остальных слов.

– Понятливая. Возможно, с тобой будет проще, чем я думал, – задумчиво заметил белобрысый. – Как я уже сказал, ты не совсем зомби. Их, видишь ли, легко распознать по безмозглости, гниющим конечностям и желанию закусить чужими внутренностями. Тебя от живых отличает лишь то, что твоё сердце не бьётся... и ещё несколько приятных особенностей.

Ева снова посмотрела на рубин, пульсировавший вместо неподвижного сердца.

– Что в *этом* может быть приятного?

– Например, тебе не грозят ни разложение, ни старение. Кажется, девушек может порадовать известие, что им не суждено одним прекрасным утром увидеть в зеркале морщины. – Некромант слегка пожал плечами. – Пока действуют чары, ты останешься такой, как сейчас. Если они перестанут действовать, тебя уже ничего не будет волновать.

Ева потерянно моргнула.

Она в другом мире, и её убили. Она не жива. С другой стороны, и не мертва. Она не разлагающийся зомби, не ссыхающийся лич, не банальная, отвратительная и неэстетичная нежить.

Следовательно...

– Так я что-то вроде вампира, которому не надо пить кровь?

– Понятия не имею, что такое вампир. – Ласково почесав кота под подбородком, некромант неторопливо, с аристокра-

тическим достоинством выпрямился. — Так ты помнишь своё имя?

На этом месте Еве положено было бы наконец заплакать. А лучше забиться в истерику. Но Ева всегда предпочитала мыслить позитивно — иначе её не слишком весёлая жизнь была бы ещё менее весёлой. Вот и сейчас: вместо того чтобы плакать и производить на своего спасителя самое неблагоприятное впечатление (что-то ей подсказывало, что плаксивости некромант не оценит), Ева честно постаралась взглянуть на ситуацию оптимистично. Пусть по-хорошему ситуация и была весьма плачевной.

Хотя, скорее всего, она просто не могла плакать, потому что пребывала в шоке — но потребности оценить обстоятельства и хоть как-то разобрать бардак в голове это не отменяло.

Она в другом мире. Как ни крути, о таком приключении мечтают многие. Ева тоже мечтала — с тех пор, как в нежном возрасте семи лет прочла про страну, куда можно попасть через волшебный шкаф. И если здесь есть магия, которая позволила ей восстать из мёртвых... вернее, не стать окончательно и бесповоротно мёртвой... наверняка найдётся и магия, которая позволит по-настоящему её оживить.

Раз разложение ей не грозит, особых проблем с воскрешением быть не должно. Насколько Ева могла судить, её тело пребывало в отличном состоянии: внешне от живого не отличишь, да и по ощущениям не особо. По каким бы причинам некромант её ни спас (Ева была не столь наивна, что-

бы обманываться надеждами на альтруизм), на злодея он не походил. Парень, который любит котиков, просто не может быть таким уж плохим.

Значит, ничего страшного в сущности и не произошло, правда?..

– Ева, – мантрой твердя про себя последнюю мысль, дабы искренне в неё поверить, покорно озвучила она. – Где я? Как ты вообще меня нашёл? Просто гулял по лесу и наткнулся? С чего какая-то женщина с ходу решила меня застрелить? – И, оставив самый важный вопрос напоследок, сурово добавила: – И, надеюсь, моя виолончель тоже где-то тут?

Некромант, с каждым новым словом всё больше морщившийся, устало потёр пальцами переносицу.

– Какая ты шумная. – Тень, при движении залёгшая на его впалых щеках, ещё больше подчеркнула худобу длинного лица. – Я всё расскажу. Утром. Сейчас мне нужен отдых. – Он отвернулся. – Идём, отведу тебя в твою комнату.

– Мою комнату?

– А я только порадовался твоей понятливости. – Он утомлённо оглянулся через плечо. – Комнату, которую я тебе выделил, естественно.

Соскользнув с алтаря, Ева коснулась каменного пола бо-сыми ногами. Ожидала, что камень будет ледяным, однако тот показался разве что слегка прохладным.

Секундой позже поняла: пол вполне может быть ледяным, но её ступни теперь немногим теплее.

Ева посмотрела на люстру – вместо свечей в ней ровным белым светом лучились длинные палочки полированного хрусталя. На деревянный столик неподалёку от алтаря – помимо уже знакомых ножниц и бинта, там на серебряном блюде лежали хирургические инструменты, иные из которых выпачкались в подозрительной алой субстанции.

Этот зловещий вид заставил Еву нервно поспешить за некромантом, уже выходявшим из комнаты.

– Может, хотя бы представишься? – предложила она, бо-сиком следуя за хозяином дома. Замковый коридор освеща-ли те же хрустальные палочки в чугунных настенных под-свечниках; на улице было темно, и как бы старательно Ева ни косилась на высокие стрельчатые окна, разглядеть за ни-ми что-либо она не могла. – Раз уж я буду жить у тебя... То есть не жить.

– Моё имя Гербеуэрт. И как ты сама сказала, я некромант. Остальное тебе знать пока ни к чему. – Её подвели к широ-кой каменной лестнице с резными перилами, разбегавшейся пролётами вверх и вниз. – И так есть над чем подумать.

Действительно. В данный момент Ева как раз думала, как будет выговаривать совершенно несносное для выговора имя и как можно его сократить. Уэрт? Герб? Герр?.. Пожа-луй, пристало ситуации – особенно если вспомнить тип при-служника «Игорь», пользовавшийся среди злодеев большой популярностью; но пламенного желания величать некроман-та «мафтер», отращивать горб и шепелявить с немецким ак-

центом Ева не испытывала.

– Можно звать тебя Гербертом? – осторожно спросила она, вслед за некромантом поднимаясь на верхний этаж; судя по количеству пролётов, просматривавшихся в квадратном лестничном колодце, этажей в его обители было не меньше пяти-шести.

– Мне всё равно.

– Нет, если я должна называть тебя «хозяином», я переживу, но будет немножко непривыч...

– Мне всё равно.

Последнее он повторил с нажимом и сквозь зубы, так что оставшиеся ступеньки Ева предпочла преодолеть молча. Злить гостеприимного хозяина в её планы не входило, а плебейские манеры девочки-подростка, возвращенной в эпоху мемов и инстаграма, и без того наверняка коробили его чувствительную аристократическую душу.

В том, что некромант аристократ, сомнений не оставалось. Может, Ева пребывала в плену стереотипов о фэнтезийных мирах с их условным средневековьем, но что-то подсказывало ей: в этом мире подобный замок не выйдет просто купить.

– Мы ведь не на русском говорим, верно? – на всякий случай уточнила Ева, когда они достигли верхнего этажа и некромант повёл её длинным коридором, пестревшим витражными стёклышками в частых оконных переплётах.

– Руйский?

Понятно. Не на русском.

– Язык, – обречённо пояснила Ева.

– А. – Светильники на стенах вспыхивали при их приближении и гасли за спиной. – Значит, так называется язык того мира, откуда ты явилась.

– Да, именн... подожди, так ты знаешь, что я из другого мира?

Ева не видела его лица, но ей почудилось, что некромант презрительно хмыкнул.

– Даже если не учитывать всю подноготную, об этом было бы нетрудно догадаться.

Ах да. Одежда и всё такое.

– Какую подноготную?

Тот промолчал, остановившись перед высокой дверью с цветочным орнаментом, под его взглядом распахнувшейся.

– Твоя комната, – отступив в сторону, коротко сказал некромант. – И твоя... вийолончель, как я понимаю.

Комната оказалась небольшой. Большую её часть занимала кровать – конечно же, с балдахином; конечно же, по стандартам замковых интерьеров присутствовал огромный камин. Кроме того, наличествовали окно с двумя створками и гардероб с резными дверцами – к нему прислонили знакомый футляр, обтянутый чёрным нейлоном.

Футляр заинтересовал Еву больше всего. Хотя бы потому, что о его судьбе она немало беспокоилась.

– Оденься, – сухо велел некромант, когда Ева прошла

внутри. На кровати и правда лежала одежда – чужая; от Евиного наряда остались лишь кеды, сиротливо пестревшие на полу розовыми шнурками. – Вряд ли тебе захочется спать, но убедительно прошу тебя никуда не выходить. Я пришлю за тобой утром.

Поколебавшись, Ева всё же обернулась, чтобы встретить его пронизывающий взгляд.

– Герберт, зачем ты меня спас? И с чего теперь проявляешь гостеприимство? Не пойми неправильно, я очень тебе благодарна, но вряд ли ты делаешь это по доброте душевной. Не обижайся, просто... некроманты редко бывают добрыми. В моём представлении.

– Утром. – Он отвернулся. Не оглядываясь, бросил через плечо: – У тебя были ссадины на ногах. И на голове. И лёгкое сотрясение мозга. Вдруг поможет освежить память.

Ева смотрела в его спину, пока за ним не закрылась дверь. Приблизилась к футляру.

Ещё не коснувшись чёрной крышки, вспомнила, почему всё-таки не дошла до метро.

Машина. Машина, которую Ева не заметила, перебегая дорогу. Последнее, что она помнила, прежде чем очутилась в лесу, – как бампер подсекает ей ноги, заставляя закатиться на капот... А следом – удар по затылку и жуткий треск.

Положив футляр на жёсткий светлый ковёр, Ева опустилась на колени. Взялась за застёжку молнии, почему-то медля.

Значит, она должна была умереть ещё в своём мире? Или всё-таки умерла? Кажется, машина успела притормозить – ей было не слишком больно. Или боль приглушил шок?.. Получается, она ударилась о лобовое стекло... вернее, должна была удариться. Да только между стеклом и её затылком, между капотом и её телом оказался футляр.

Её Дерозе – детище французского мастера Николя Дерозе, издавшее первый звук ещё в начале XIX века, – принял удар на себя. Удар, который должен был достаться ей.

Ева потянула застёжки в стороны, ощущая волнение куда большее, чем почувствовала при известии о собственной смерти.

У Дерозе хороший футляр. Немецкий, лёгкий, прочный. Дорогой: дешёвые были тяжёлыми, а ежедневно таскать за спиной десять килограмм Еве не хотелось. В своё время они с родителями решили, что носить такую виолончель в мягком чехле чревато – ремонт трещин и прочих радостей для подобного инструмента обошёлся бы не в копейки. И до сего дня футляр надёжно защищал своего обитателя.

Правда, до сего дня Ева не попадала под машину.

Она взялась за крышку, понимая, что боится её открыть. Воспоминание о родителях вдруг заставило её отчётливо понять, где она, как далеко от дома, и впервые за вечер Еве сделалось по-настоящему страшно. А может, тоскливо. Она сама пока не понимала.

Наверняка Дерозе целёхонек. По неосторожности футляр

и толкали, и роняли, но инструмент не получал ни трещин, ни царапин. И сейчас всё должно быть в порядке.

Должно быть, должно...

Ева подняла крышку.

На красной бархатной обивке покоилась груда деревянных обломков.

Глава 2

Cantus firmus²



Ту часть ночи, что Ева не провела в плаче и прострации, она провела, нарушая прямую просьбу некроманта. А именно – исследуя замок.

² Букв. «прочный напев»: ведущая мелодия, часто заимствованная, которая составляет основу полифонической композиции (муз.).

Плакала Ева долго. С момента, как увидела разбитого Дерозе. Верхняя дека и бока почти полностью превратились в длинные тонкие щепки. Подставка сиротливо валялась посреди руин, накладка грифа раскололась. Более-менее уцелела шейка (её надёжно закреплял ремешок на липучке), но и та потрескалась. Лишь изящный завиток головки, покоившейся на подушечке, остался нетронутым и доверчиво тянулся к пальцам; когда Ева взяла его в руки – осторожно, будто прикасаясь к смертельной ране, – то увидела, как безвольно висит на струнах подгрифник. Струны не порвались, но свисали беспомощно, точно прядь серебряных волос.

От зрелища обломков навалилось запоздалое осознание – всего. Что произошло. Кто она теперь. И, как ребёнка обняв то, что осталось от грифа, Ева заплакала. Небьющееся сердце скручивало страхом и одиночеством, в уме крутилось нечто пафосное, что Дерозе разбился совсем как её жизнь, что Дерозе спас её, но его жертва была напрасной...

Потом, спустя вечность холодной, мучительно безлюдной тишины, разбиваемой только всхлипами, безнадёжно вымочив ворот рубашки, Ева бережно протёрла головку и колки от слёз. Уложив гриф обратно в футляр, закрыла тот до лучших времён.

Развела сырость... Она бы ещё лужу слёз наплакала, взяв пример с девочки, вместо флегматичного некроманта всё-таки встретившей курящую гусеницу (впрочем, флегматичностью некромант эту самую гусеницу Еве весьма напоми-

нал; если он вдруг курит, сходство и вовсе будет поразительным). Она же в мире, где есть магия, а магия решает все проблемы! Не может у них тут не быть заклятий, которые воскрешают мертвецов и восстанавливают предметы. Значит, магия и Еву вернёт к жизни, и виолончель поможет отремонтировать.

Хотя вернее будет сказать «собрать»...

Вытерев щёки, Ева проверила то, что лежало во внешнем кармане футляра: кроме нот и тетрадки по гармонии, ожидаемо не пострадавших, в тот день она засунула туда планшет-трансформер.

Как ни странно, тот уцелел и даже работал. По экрану пролегла трещина, но в остальном всё было в порядке. Портативная зарядка и провода для гаджетов, судя по всему, тоже хорошо себя чувствовали, но планшет Ева всё равно выключила, чтобы не разрядился (помимо конспектов, там хранились фотографии, книги и любимые аниме, и пусть сейчас Еве было не до книг, позже ей наверняка придётся чем-то скрашивать своё существование). Карандаши в маленьком мягком пенальчике с Тоторо сломались, но там же лежала целёхонькая точилка, так что – невелика беда. Смартфон Ева носила в кармане сарафана; оставалось надеяться, что сейчас тот лежит где-то у некроманта, а не выброшен вместе с одеждой.

Полами рубашки промокнув щёки, на которых в процессе ревизии снова как-то незаметно пролегли влажные дорож-

ки, Ева наконец застегнула пуговицы до самого горла. Помимо рубашки ей пожертвовали носки, затягивавшиеся хлопковыми шнурками на щиколотке, и бархатные штаны; одежда оказалась великовата, нижнее бельё отсутствовало, но ремень решил проблему с размером штанов, а Ева была благодарна и за это. Раз в её одежде теперь красуется выжженная дыра, на первое время этот наряд вполне сойдёт.

Спать действительно не хотелось – если зомби... да, она не совсем зомби, но так проще... и страдали от сонливости, то разве что от хронической. И хотя порядочным зомби-слугам не полагалось нарушать прямые просьбы господина, Ева сунула ноги в кеды и побрела к двери, чтобы осмотреться в новой обители.

Коротать время до утра в четырёх стенах, мыслями постоянно возвращаясь к случившемуся, она бы всё равно не смогла.

Не сказать, что перспектива быть зомби-служкой Еву устраивала. На веки вечные – точно нет. Однако без некроманта она бы сейчас потихоньку загнивала в лесу, и послужить ему до настоящего воскрешения считала вполне приемлемой ценой за спасение. Только вот чего от неё хотят?.. Если Герберт велит ей драить горшки, Ева очень постарается не разбить все горшки в замке, пытаясь обучиться этому искусству. Хотя бы ночевать в золе не придётся – не только потому, что ей отвели комфортабельную спальню: зомби ведь нет нужды согреваться у камина...

Размышляя об этом, Ева скиталась по запутанным коридорам замка. Окружение напоминало странную помесь готики и рококо – сдержанность серо-бежевых тонов разбавлялась красочностью витражей, потолок покрывали ажурные орнаменты, стрельчатые арки перетекали в изящные пилястры с кокетливыми завитками.

Коленопреклонённый скелет в платье, намывавший каменный пол за очередным поворотом, вписался в интерьер как нельзя лучше.

Скелет был человеческий, беленький, чистенький и самый обычный, не считая длинного серого платья, похожего на наряд викторианской горничной, и внезапную подвижность. Вылитое наглядное пособие из кабинета биологии, вздумавшее принарядиться. На Еву он не обратил ни малейшего внимания – девушка отпрянула было за угол, но быстро оправилась от испуга. Издали понаблюдала, как скелет неуклонно продвигается вперёд, побрякивая костяными ступнями о камень и передвигая жестяное ведро с водой.

Когда Ева, осмелев, осторожно приблизилась, скелет моментально отполз к стене. Даже череп не поднял. Он не двигался, пока Ева не ушла с дороги, – а когда ушла, тут же вернулся на прежнее место, продолжив прерванное занятие. Видимо, его запрограммировали выполнять одно-единственное действие, при этом не мешая обитателям замка.

Скелеты-горничные, без особого удивления думала Ева, спускаясь на нижний этаж. Чего ещё ожидать от некроман-

та. Ясно теперь, почему её сочли «шумной»: похоже, новый знакомый жил в полном одиночестве, а скелеты не отличаются говорливостью...

Мысли неуклонно возвращались к горестям на повестке дня.

Интересно, как она вернётся домой? Нет, в том, что она *может* вернуться домой, Ева не сомневалась. Нисколько. Вопрос в том, каким образом. Правда, пока она не оживёт... а в том, что она в конце концов оживёт, Ева тоже нисколько не сомневалась – иначе это вышла бы какая-то слишком неправильная и злая история... об этом и думать нечего. Ева и без того периодически думала, насколько родителей устраивает её скромная персона; немёртвая дочка, которая без магической подпитки наверняка обратится в очень даже мёртвую, их точно не обрадует.

Впрочем, до возвращения домой Ева была не прочь устроить себе недолгую экскурсию по иномирию. В конце концов, такая возможность представляется не каждый день, к тому же по некоторым причинам Ева была даже рада на время сбежать от привычной жизни. Заодно представится шанс отыскать ту женщину, из-за которой она теперь бродила по этому замку, и обеспечить ей наглядное знакомство с методами испанской инквизиции, включая аутодафе.

Замок Еве нравился, но она предпочла бы бродить по нему в более живом состоянии.

Спустившись вниз, Ева забрела на кухню. Случайно – она

удерживалась от искушения заглядывать за двери, опасаясь того, что обитель некроманта может за ними скрывать. Но дверь на нижнем этаже оказалась приоткрыта, а сквозь щель виднелась лестница, ведущая в некое подвальное помещение.

Ева честно колебалась, однако искушение взяло верх над здравым смыслом.

Лестница вела в просторный зал. Стоило девушке спуститься, и под потолком вспыхнула магическая люстра. Свет ровной белизной лёг на огромную печь, длинный стол и красноречивую экспозицию в виде кастрюль, поварёшек и прочей кухонной утвари, развешанной по стенам. Подле стола рядом выстроились пять скелетов в болотного цвета робах, бежевых фартуках и, подумать только, шапочках. Видимо, поварских. Они стояли неподвижно, точно ожидая, пока хозяин позвонит в колокольчик.

Удивляясь то ли педантичности некроманта, то ли его специфическим способам развлечения (похоже, кто-то в детстве не наигрался в куклы), Ева рискнула заглянуть за двери. За одной притаилась судомойня: каменные раковины, немногочисленная деревянная мебель и ещё три скелета: два в платьях, один (к ужасу Евы, похожий на детский) в холщовой рубаше и бриджах. Другая комната представляла собой холодильник, где между ледяными стенами висели на крюках освежёванные туши. Третья оказалась кладовой, и на полках ждала своего часа всяческая снедь: огромные го-

ловки сыра, золотистые хлебные буханки, копчёные окорока, пестрядь баночек с вареньями и соленьями...

Там-то Ева и обнаружила призрака.

Сперва она увидела просто мужчину лет сорока, облачённого в щегольской наряд – синие парчовые бриджи и бархатный сюртук поверх золотистой шёлковой рубашки. Он увлечённо считал колбасы, толстой грифельной палочкой записывая результаты инспекции в тетрадь с жёлтыми страницами. Заметив, что дверь открылась, обернулся – и тут же расплылся в широкой, белозубой, очень располагающей улыбке.

– О, это вы! – Захлопнув тетрадь в твёрдой кожаной обложке, незнакомец сунул её под мышку. Каштановые локоны, прихваченные сзади атласной лентой, вились искусными завитками; губы обрамляли подкрученные усы и аккуратный треугольник бородки. – Я так вас ждал!

Лишь тогда Ева заметила: лучи волшебных кристаллов, сиявших на дальней стене кладовой, слегка просвечивают сквозь него. И когда мужчина перехватил её руку, чтобы прижаться к ней губами, поняла: его пальцы не теплее её, а касания пусть и ощутимы, но напоминают прикосновение к невесомой и слегка колючей ткани вроде органзы.

– Очаровательно. Прелестно, – резюмировал призрак, оглядев Еву с головы до ног. Достал из внутреннего кармана сюртука длинную ленту с делениями, похожую на портновский сантиметр: видимо, тоже призрачную. – Позвольте мне незамедлительно снять мерки. Поутру сразу же отправлюсь

в город, к портным. Как жаль, что я не мог заранее знать ваших форм! Такая красота нуждается в достойном обрамлении вместо этого... безобразия. – Морщась, он витиеватым жестом обвёл её наряд. – Что к лицу господину Уэрту, не подходит нежному созданию вроде вас. – Бесцеремонно развернув Еву за плечи, призрак слегка подтолкнул её к центру кухни. – Пойдёмте, пойдёмте, здесь слишком тесно!

– Вы ждали... меня? – обескураженно переспросила Ева, когда её принялись деловито и ловко обмерять сантиметром.

– Господин ещё месяц назад предупредил, что у нас будет гостя, – услужливо отрапортовал призрак, записывая цифры всё в ту же книжечку, уложенную на стол. – Как я рад! Не поймите неправильно, я обожаю господина Уэрта и предан ему всем своим существом, всей душой... собственно, ныне душа и есть всё моё существо... но он не особо разговорчив, да и со скелетами не перекинешься словечком. И тут вы! Точь-в-точь такая, какой я вас представлял, только ещё капельку прекраснее. Позвольте? – Он невозмутимо обвил лентой её грудь, замеряя объём; рубашка под прозрачным сантиметром промялась вполне убедительно. – В этих стенах так давно не звенел колокольчик девичьего голоса... Что поделаешь, господин такой нелюдимый. Правда, я ожидал, что вы будете немножко более живой. Уже запланировал перемены блюд для трапез на весь день, и какой бы вас ждал ужин, ах! – Призрак грустно оглянулся на открытую дверь кладовой. – Господин к пище равнодушен так же, как и к

разговорах. Магия – единственная его страсть в последние годы, и я почти потерял надежду, что однажды вместо книг он снова изберёт объектом своей привязанности... нечто более одухотворённое. О, не подумайте, будто я на что-то намекал, нет, вовсе нет.

Всё же по поводу одиночества некроманта Ева немного ошиблась. Нет, похоже, из живых в замке и правда никого больше не было, но с таким словоохотливым призраком в прислужниках немудрено, что Герберт предпочитает общество скелетов.

– Вы меня представляли?..

– Жаль, что вы не сможете разделить его трапезу, – продолжал увлечённо убиваться призрак, добравшись лентой до бёдер. – Но, уверен, посидеть с ним за столом за завтраком не откажетесь... Ах, совсем забыл представиться! Как неловко с моей стороны. Эльен, здешний дворецкий. К вашим услугам, милая лиоретта. Позвольте? – Закончив замерять длину её ног, он вытащил из-под стола небольшую скамью. Непринуждённо опустился на колени, чтобы расшнуровать Евины кеды. – Как ваше имя? Присядьте, прошу.

– Ева, – пробормотала она, опускаясь на скамью и чувствуя себя одним парнем на ледяной стене, который славился тем, что ничего не знал. – Почему лиоретта?..

– О, вы же явились издалека, – спохватился Эльен, стягивая с неё кеды и носки. – Пусть по вам и не скажешь. Такой безупречный, чистейший керфианский выговор, пора-

зительно! Впрочем, для носителя языка он и правда *слишком* безупречен. Прежде я такой слышал только у шпионов. Хотя под этой крышей говорили они недолго. – Подняв глаза, призрак вновь обезоруживающе улыбнулся. – Лиоретта – так в нашем королевстве обращаются к незамужним девушкам. Вы ведь не замужем, правда? – вмиг посерьёзнев, строго спросил он.

– Нет, конечно. Мне всего семнадцать, – добавила Ева, оправдываясь непонятно за что.

– Как я и думал. – Призрак удовлетворённо замерил её ступню. – Два с половиной. Любая придворная красавица позавидует таким ножкам, – сворачивая ленту, невзначай заметил он. Облачил её ноги в кеды так бережно, точно на них примеряли хрустальные туфельки. – Некоторые, правда, начнут морщить носики от того, что вы такая худышка, но на мой взгляд – а он, поверьте, *очень* притязательный, – вы просто идеал. Будь я на сотню лет живее и на двадцать моложе, вам пришлось бы каждый вечер наглухо запирать окна своей спальни. Иначе мои фальшивые любовные рулады не дали бы вам сомкнуть глаз, пока вы не согласились бы более не быть незамужней.

Ева невольно улыбнулась. С момента выхода из комнаты она вообще воспринимала происходящее на диво спокойно – даже для неё, не склонной к истерикам.

С другой стороны, в замке она не видела ничего такого, чего не встречала в книжках или фильмах, а расхожее выра-

жение про пульс покойника появилось не на ровном месте.

– Вы ведь призрак, – сказала она утвердительно.

– Совершенно верно.

Хотя скорее полтергейст, поправились Ева про себя, учитывая взаимодействие с предметами.

– И вы дворецкий Герберта.

– Герберта? Как изобретательно вы его называете! – Восторженностью Эльена можно было поднять самооценку даже человеку, у которого она упала куда-то в Марианскую впадину. – Вам известно, чем занимается дворецкий?

– Смутно, – призналась Ева. Она и дома-то путалась в иерархии и обязанностях слуг, когда встречала в книжках всех этих мажордомов, камердинеров и лакеев, а что могло скрываться за этим словом в другом мире, понятия не имела. – Если честно, для начала я хотела бы узнать, где я, кто ваш хозяин и зачем я ему понадобилась.

Занеся последние цифры в свою книжечку, Эльен присел на скамью рядом с ней: вполоборота, небрежно и вальяжно облокотившись локтем на стол.

– Что именно он намерен с вами делать, я и сам не знаю. Честно. – Оглядевшись вокруг, точно опасаясь, что их может подслушать кто-то, помимо безучастных скелетов, призрак заговорщицки понизил голос: – Знаю только, что здесь замешано некое пророчество.

Я же говорила, отметила Ева удовлетворённо. Вернее, думала.

– Я что, должна спасти мир и всё такое?

– Почти. В нашей стране... непростая политическая обстановка, и, полагаю, вы поможете её исправить. Подробностей вам лучше узнать не от меня. – Дворецкий покосился на люстру, точно надеялся разглядеть хозяина сквозь потолок. – Во время периодических вылазок в город я нередко выслушиваю интересные новости, домыслы и пересуды. Так вот, с некоторых пор в народе гуляют слухи о юной деве из иного мира, коей суждено явиться, дабы изменить существующее положение вещей. К сожалению, ничего большего мне вызнать не удалось – не та тема, на которую будут распространяться на каждом углу... особенно учитывая некоторые обстоятельства... а потому до поры до времени я считал это обычными сказками. Но после господин упомянул, что в канун Лёрина дня к нам пожалует иномирная дева, прелестная, как лето. Судя по тому, с каким сарказмом он это произнёс, цитата дословная – обычно его речи подобные эпитеты не свойственны.

– И по этому описанию вы представили меня?

Эльен взглянул на неё внимательно и капельку недоумённо.

– Волосы – пшеничный жемчуг, губы – лепестки пустынной розы, глаза – небо, выцветшее от зноя... О, я должен это записать! – Призрак вдохновенно схватился за грифель. – Я немного поэт, – скромно добавил он, мелким почерком выводя строчки в тетради. – А «розы» можно срифмовать

с «летние грёзы», прекрасно... В общем, разве красота лета могла быть иной?

– Вы это всё точно обо мне?

Нет, Ева сама считала себя довольно милой, но не более. И регулярно вздыхала, тоскливо разглядывая в зеркале вздёрнутый нос.

– Вы в королевстве Керфи. – Последний вопрос Эльен то ли оставил без внимания, то ли не счёл достойным ответа. – Что же до хозяина... неужели он не представился?

– Он сказал только, что его имя Гербеуэрт.

– Ох уж эта его немногословность. – Призрак аккуратно отложил грифель в сторону. – На самом деле вас приютил... – Прокашлявшись, он торжественно, словно предвзяя явление некроманта в бальном зале королевского дворца, объявил: – Гербеуэрт тир Рейоль, глава дома Рейоль, покровитель Шейнских земель, Избранник Великого Жнеца, магистр Керфианского Колдовского Ковена, Восьмая Звезда Венца Магистров, законный наследник престола Керфи.

Да ему в коллекцию только титула Матери Драконов не хватает, отметила несколько ошарашенная Ева. *Хотя этот было бы трудно заполучить по техническим причинам.*

– Будем считать, что я знаю некоторые из этих слов, – после секундного молчания изрекла она. – Как насчёт расшифровки по порядку?

– Не печальтесь, подобный титул может ввести в замеша-

тельство и гостей из иных стран, не говоря уже о вас, – любезно откликнулся Эльен. – Спрашивайте.

В процессе расспросов выяснилось следующее. Небольшое, но процветающее приморское королевство Керфи делилось на несколько «земель» (местный аналог областей), и некромант была кем-то вроде губернатора одной из них. «Дом Рейоль» служил синонимом «династии Рейоль», а поскольку родители Герберта почили, когда тому исполнилось пятнадцать, звание главы рода в юном возрасте досталось ему. Кроме того, Герберт фактически являлся принцем: правящая королева Айрес, незамужняя и бездетная, приходилась некроманту тётёй и назначила его своим преемником в обход всех других претендентов. В передаче трона ни порядок рождения, ни пол не играли определяющей роли – правители просто выбирали среди своих детей самого достойного (по крайней мере, так предписывалось в уставе о престолонаследии), не делая разницы между сыновьями и дочерьми. Бездетный король выбирал среди сестёр и братьев. Если тех не было, рассматривали кандидатуры ближайших родственников до определённой степени родства. Пол и старшинство также не имели значения; к примеру, Её Величество Айрес Первая выбирала между собственным кузеном, Гербертом и его двоюродным братом. Герберт не был первым претендентом по праву рождения, однако королева склонила чашу весов в его пользу.

Вопрос, отчего наследник престола обитает не во дворце,

в окружении роскоши и раболепствующей свиты, и довольствуется обществом скелетов, Ева решила оставить до лучших времён. Пока нашлось много других.

– Избранник Великого Жнеца, – вспомнила Ева следующий титул. – Так у вас называют некромантов?

– Именно.

– И что за Великий Жнец?

Она догадывалась об ответе, но уточнить во избежание казусов было не лишним.

– Сын Творца Изначального. Бог смерти и жизни, приводящей к ней. – Призрак аккуратно закрыл тетрадь. – У Творца много детей: Садовод, Ворожея, Воитель, Заступница... мы чтим их всех, и их отца тоже. Но Жнец едва ли не самый сильный из всех, и культ его в Керфи, пожалуй, главенствующий.

– Значит, у вас... в Керфи... быть некромантом почётно?

– Маги других специализаций ценятся не меньше. Но учитывая, что во всём нашем мире некроманты рождаются лишь в Керфи и они не раз спасали страну от вторжения извне, можно сказать и так. – Эльен проницательно воззрился на неё. – Вас это удивляет?

– Просто в нашем мире некромантов... не очень любят. И побаиваются. – Ева решила не добавлять «в книжках». – Всё же они оскверняют могилы, тревожат покой мертвецов, да и вообще... кхм... якшаются с трупами и взывают к тёмным силам. А это... кхм... вроде как не очень хорошо.

Призрак фыркнул.

– В других странах придают слишком большое значение бранным останкам. Да и жители Керфи, поклоняющиеся иным богам, сторонятся некромантов. Но для истинных керфианцев, последователей нашей религии... – Он рассеянно обвёл рукой скелеты поваров. – Все они принадлежат тем, кто когда-то служил здесь. Они умерли своей смертью и подняты исключительно с их предсмертного согласия. Для верного слуги завещать своё тело господину – естественно. Если ты всю жизнь провёл в стенах этого замка и умер здесь же, тебе не хочется его покидать. Если ты всю жизнь преданно служил кому-то, для тебя в радость послужить ему и в посмертии. И если господин найдёт достойное применение той пустой и жалкой оболочке, что остаётся, когда душа твоя отправляется за грань... или же, если господин не был избран Жнецом, это сделает его потомок... это честь. Иначе твоё тело обречено просто гнить на кладбище, принося пользу разве что червям.

– Вот почему они в одежде? – Ева снова посмотрела на скелеты: не сказать, что совсем другим взглядом, но определённо теплее, чем до того. – В смысле... они же вполне могут обойтись без неё, но...

– Живые тоже могут. Не всегда, но в очень многих случаях. Почему-то не обходятся, – усмехнулся Эльен. – Одежда – дань уважения, лиоретта. Эту одежду они носили при жизни. Было бы некрасиво лишить их её, когда жизнь закон-

чилась. Уважающий себя некромант не делает с останками своих слуг того, что опорочило бы их достоинство, пока их сердца бились. О, не подумайте ничего неприличного, – добавил он, видимо, осознав некую двусмысленность фразы. – Ни один из Рейолей никогда не отличался... специфическими вкусами.

– А другие некроманты, стало быть, отличаются?

– Всякое бывает, – ответил призрак уклончиво.

Мысленно возблагодарив судьбу за то, что Герберту, судя по описанию Эльена, досталось разве что болезненное пристрастие к книгам, Ева приготовилась засыпать дворцового ещё десятком вопросов, но в этот миг скелеты синхронно шевельнулись. Шагнув вперёд, они выжидающе уставились на призрака пустыми глазницами.

От их безглазого взгляда девушке, сидевшей рядом, сделалось немного не по себе.

– О, время готовить завтрак. – Схватившись за свою книжечку, Эльен пролистал несколько страниц и громко объявил: – Сегодня тосты, яйца по-лиорски, белые колбаски и фейр с меолой. Будьте добры.

Скелеты, невесть каким образом услышав, послушно побрели по своим делам: затапливать печь, доставать продукты из кладовой и бряцать посудой, снимаемой с полок и стен.

– Они вас понимают?

– Сам удивляюсь, поверьте, – развёл руками призрак. – У них не должно быть слуха, да и память, по идее, исчезает

вместе с разумом и душой... Но они могут выполнить любой приказ и любое действие, которое выполняли при жизни. Вот велеть им приготовить нечто новое бесполезно, замрут истуканами, и всё. – Эльен горестно следил за передвижениями скелетов, один из которых удалялся в судомойню с большой кастрюлей. – Хорошо, что мы не даём званых обедов с тех пор, как господин распустил всю живую прислугу. Не приходится перед гостями стыдиться стола по моде тридцатилетней давности.

Еве хотелось сказать, что она бы с удовольствием попробовала иномирные блюда хоть позапрошлого века, но решила не сыпать соль на раны. Ни на свои, ни на Эльена, и без того огорчившегося, что не сможет накормить долгожданную гостью ужином. К тому же нечисть и нежить, каковой являлись они оба, с солью были не в ладах³.

Отступив к лестнице, чтобы не мешать скелетам, Ева переспросила:

– Герберт распустил всю прислугу?..

Призрачные пальцы Эльена рассеянно пробежались по обложке тетради, будто лежали на невидимых клавишах.

По отточенности движения, очень похожего на привычку бывалого пианиста, Ева заподозрила, что пассаж про фальшивые рулады не совсем соответствовал действительности.

³ По крайней мере, если верить авторитетному сериальному источнику, который в свои редкие выходные Ева любила смотреть за едой и который поселил в ней мечту о чёрной «Импале» 67 года.

– Это долгая история. И сейчас не лучшее время её рассказывать. – Призрак повернулся на каблуках, наблюдая за передвижениями костяных слуг. – Напоследок возвращаясь к моим обязанностям... При жизни я руководил мужской прислугой в доме и, кроме того, следил за гардеробом господина. Однако за последнюю сотню лет дворецкие стали намного более... универсальными, а превращаться в бесполезный реликт у меня нет ни малейшего желания. К тому же потом у Рейолей начались... м... некоторые проблемы с финансами. Живую прислугу стали сокращать в пользу нежити, а скелеты неспособны мыслить или быть ответственными за что-либо. Так что я иду в ногу со временем и при отце господина Уэрта ко всему прочему заменял экономку, а также отвечал за винный погреб и организацию торжественных приёмов. Сейчас же всё хозяйство в замке, включая закупку еды, держится на мне.

В общем, если Ева правильно помнила исторические романы, вышла эдакая помесь вполне себе земного дворецкого с вполне себе земным камердинером и мажордомом. Что немудрено: в другом мире и уклад обязан быть немножко другой.

– Могу проводить вас в столовую, – завершая разговор, предложил Эльен, пока скелеты суетились вокруг. – Господин скоро спустится туда.

– А... нет, спасибо, я... мне вообще сказали оставаться в комнате. Я лучше вернусь к себе.

– О, молодость, молодость! Что ей чужие указы. – Призрак заговорщицки улыбнулся. – Не беспокойтесь, лиоретта. Для хозяина вы слишком ценная гостья, чтобы отдавать вам приказы или строго наказывать... Не говоря уже о том, что в моей голове не укладывается, как можно быть строгим с такой пленительной особой... но я не выдам вашего самовольства. На всякий случай. – Он изящно и учтиво шаркнул ножкой. – Найдёте сами обратную дорогу?

– Думаю, да. Если заблужусь, буду громко кричать. – От любезности призрака, искристым бисером рассыпавшейся в его словах и манерах, на губы сама собой вернулась улыбка. – Спасибо, Эльен.

– Счастлив быть вам полезен, но не спешите меня благодарить. Полагаю, нам предстоит ещё много бесед, и надеюсь, что в скором времени вы не вззоете от моего общества.

– Если нам и правда предстоит много бесед, ещё посмотрим, кто от кого вззоет.

Призрак коротко посмеялся, и на этой ободряющей ноте Ева покинула кухню – радуясь, что потрудилась запомнить путь к лестнице, по которой они с некромантом поднимались, когда её первая безумная ночь в иномирье только начиналась.

Ценная гостья, стало быть? Ну-ну. Понять бы ещё, за что её так ценят. И предстоящий завтрак – самый подходящий момент, чтобы это узнать.

Некромант сдержал слово. Вскоре после того, как Ева вер-

нулась в комнату, в дверь постучали: за порогом оказался ещё один скелет в платье, который (подумать только!) поклонился и жестом велел следовать за ним.

Столовая располагалась неподалёку от кухни. Такая, какой и положено быть замковой столовой – огромный камин, бесконечный стол и скамьи, длинные, как анаконда. Герберт ковырялся в тарелке, восседая в кресле с высокой бархатной спинкой; ковырялся не глядя – всё его внимание было приковано к книге, парившей над столом прямо напротив глаз, – и левой рукой, что ко всем прочим его примечательным чертам прибавляло диагноз «левша».

– Знакомься, Эльен, – услышав Евины шаги, сказал он. – Наша гостя. Тебе предстоит поведать ей об особенностях нашего мироустройства, обучить её тонкостям этикета и учесть, что ей предстоит произвести благоприятное впечатление не только на неотёсанных простолудинов. Надеюсь, она не столь безнадёжна, как кажется. Это Эльен, мой дворецкий, и он будет учить тебя тому, на что я не собираюсь тратить силы и время. – Призрак, дежуривший неподалёку от стола, бесстрастно и чопорно поклонился, выдав их знакомство лишь сочувственно-ободряющим взглядом. – Садись.

Ева тихонько хмыкнула (очень хотелось фыркнуть, но фыркание вышло бы слишком выразительным и демонстративным, а злить того, от кого зависит твоя не-жизнь, она всё ещё считала не самым разумным поведением). Послуш-

но села – вопреки законам комедийного жанра, не напротив некроманта, на другом конце бесконечного стола, а на скамью рядышком.

Разглядев, что лежит на столешнице, схватила знакомый телефон в сиреновом силиконовом чехле.

– Так и думал, что это твоё, – скучающе прокомментировал Герберт, пока Ева упоённо стучала кончиком пальца по сенсорному экрану. Телефон исправно работал, даже не вырубился: разве что сеть ожидаемо не ловил. – Нашёл это в твоём платье, решил, тебе это... что ты делаешь?

Последнее он уточнил, сощурившись от автоматической вспышки камеры – та запечатлела лик некроманта на фоне камина и на миг придала надменному голосу некое подобие человечности.

– Фото. На память, – пояснила Ева, демонстрируя Герберту картинку, прежде чем убрать телефон в карман штанов.

Пожалуй, потом надо будет сделать селфи. Много селфи, и с некромантом – украдкой – тоже. Поможет убедиться, что всё это ей не пригрезилось. Хотя если в какой-то момент Ева проснётся в своей постели, а фото в телефоне благополучно не окажется, это будет не худший вариант: при всех плюсах подобного приключения увидеть его во сне – тоже неплохо, а оказаться дома живой и с целёхоньким Дерозе в придачу – ещё лучше.

Впрочем, если это всё-таки не сон, хорошо, что сети нет. Не то Ева уже заспамила бы друзьям всю ленту инсты и твит-

тера, с хэштегом *#мирдолжензнатьчтоязомби*.

– В следующий раз убедительная просьба предупредить, – сказал Герберт холодно. – Могу случайно решить, что ты пытаешься ослепить меня и убежать, и сделаю что-нибудь, вследствие чего ты попросишься либо с сознанием – временно, либо со своей игрушкой – навсегда.

Вопреки Евиным ожиданиям, столкновение с технологиями не только не заставило некроманта испытать священный трепет, но как будто ни капельки не удивило. Впрочем, отбросив идеи ещё для пары твитов, девушка сконцентрировалась на том, что было действительно важно:

– А у меня есть причины убежать?

– Полагаю, появятся, когда я введу тебя в курс дела. Если я ошибаюсь, это окажется приятным сюрпризом. Жаль, что ошибаюсь я крайне редко. – Щелчком пальцев некромант призвал из ниоткуда большой пергаментный свиток. – Проясню лишь самое необходимое, остальное расскажет Эльен. Итак. – Отправив в рот кусок чего-то похожего на яичницу-болтушку под зелёным соусом, Герберт чуть взмахнул серебряной трехзубой вилкой: пергамент, послушно развернувшись, лёг на стол перед Евой. – Это Тофракейм. Так называется наш мир. Мы в Керфи, ты смотришь прямо на него.

Она воззрилась на карту, являвшую взгляду архипелаг с тремя крупными островами. Надпись «Керфи», начертанная затейливым шрифтом (нечто вроде латиницы, скрещенной с кельтскими рунами и гордившейся дальним родством с ал-

химическими символами), красовалась на левой части нижнего из них, желтевшей между горной грядой и извилистыми морскими берегами.

Язык надписи был Еве незнаком, но значение читаемого всплыло в сознании само собой, точно кто-то втайне от неё записал перевод на подкорке.

– Если есть вопросы, задавай.

Предложение некроманта можно было бы назвать великодушным, если б не тон, которым его озвучили. Поэтому Ева довольно долго выбирала из всех своих вопросов самый уместный и актуальный – но не была уверена, что в конечном счёте сделала правильный выбор.

– Почему я тебя понимаю? Почему понимаю, что здесь написано? Почему сама говорю на вашем языке, если не знаю его?

Ева так и не подняла взгляд, изучая карту, но отчётливо поняла, что его поднял некромант – возведя очи к потолку.

– Ты всерьёз спрашиваешь об этом, пребывая в мире, пронизанном магией? Мне казалось, факт наличия магии во всём, что тебя окружает, не столь незаметен.

– Хочешь сказать, это какое-то переводческое волшебство?

– Некая разновидность ментального колдовства, полагаю. Магическое усовершенствование мозга, свойственное подобным тебе. Прилагается к магическому дару, который достаётся вам при переходе в другой мир. Грустно только, что

оно делает вас гениальными лингвистами, не затрагивая общий уровень интеллекта. – Краем глаза Ева заметила, как некромант аккуратно отложил вилку в сторону. – Насколько могу судить, для каждого моего слова эти чары подыскивают в твоём мозгу максимально близкий смысловой аналог, известный тебе. Если он есть, конечно: понятия, которых в твоём мире не существует, для тебя так и прозвучат на керфианском. – На секунду Ева задумалась, почему чары не подыскивали аналог для «лиоретты», но потом сообразила – в её голове и так живут «мадемуазель», «мадам», «леди», «сеньорита» и прочее, и ещё одно иностран... иномирное обращение погоды не делало. – Когда ты открываешь рот, чары преобразуют твою речь в слова языка, родного для твоего собеседника. Попади ты в Риджию, сейчас столь же прекрасно говорила бы на риджийском. – Герберт едва заметно покачал головой. – Если б эти чары ещё прививали вашей речи и вульгарным манерам культуру, а поведению – этические нормы, цены бы им не было.

Сказанное объясняло не только отсутствие языкового барьера, но и то, что речь аборигенов не изобиловала незнакомыми терминами... и, запоздало осознав полный смысл услышанного, Ева ухватила за интересную информацию:

– Магический дар? Ты сказал, у меня есть магический дар?!

– Он был у всех тебе подобных. Учитывая все детали, ты не могла стать исключением.

– Так я что, не первая?..

– Конечно, нет. Такие, как ты, регулярно валятся нам на голову. Раз в несколько лет появляются в той или иной стране. – Некромант кивнул на карту. – К слову, тебе повезло, что ты не вывалилась в Риджии. Там тебе пришлось бы хуже, чем здесь.

Ева посмотрела на соседнюю страну – та занимала оставшуюся, большую часть острова, отделённую от Керфи горным хребтом.

– Ещё хуже, чем быть убитой немедленно по прибытии? Звучит интригующе.

– Риджия – отсталая страна, населённая отсталой нелюдью. Лепреконы, дроу, эльфы. Люди и маги тоже есть, но я им не завидую. Неоднократно пытались нас завоевать. Последние триста лет провели в междоусобных войнах. Пока весь мир развивался и шёл в ногу со временем, чтобы ступить в нынешнюю просвещённую эпоху, они вырезали друг друга. Только недавно наконец объединились под эгидой вроде бы толкового правителя и его вроде бы толковых советников, но и в этом им немало помогло вмешательство такой же пришлой девчонки, как ты. Подумать только. – Смерив её внимательным взглядом, Герберт вновь покачал головой, выразив таким образом всё, что думает по поводу этих самых пришлых девчонок. – Насколько мне известно, там женщин ни в грош не ставят.

– А в вашей... продвинутой стране, значит, ставят.

На «продвинутой» Евины пальцы, которыми под столешницей она вцепилась в коленки, самопроизвольно дёрнулись изобразить кавычки.

– У нас женщины наравне с мужчинами получают высшее образование в университетах. Имеют полное право наследовать имущество, титулы и престол. Там дочь Повелителя может сесть на трон лишь в случае, если нет наследников мужского пола, а после смерти мужа женщина с юридической точки зрения становится приживалкой у собственных сыновей. Становилась бы, если б риджийцам знакомо было понятие «юрист», – поправился некромант едко. – Университетов в Риджии нет, простолюдины остаются с пятью классами школы, знатные девушки получают образование на дому. Если они не колдуньи, изучают только то, что позволит им быть красивыми куклами при достойном муже. Делай выводы, если умеешь.

Ева глубоко вдохнула, набираясь бесконечного терпения для того, что ей предстояло сказать.

Она была крайне необидчивым человеком. По очень простой причине – на тех, чьё мнение о твоей персоне тебе абсолютно неинтересно, обижаться глупо; людей, чьё мнение Еву действительно интересовало, нашлось бы немного, и им обижать её было не свойственно. Динка, старшее чадо четы Нельских и Евина сестра, утверждала, что вести себя так – всё равно что ходить в футболке с надписью «вытрите об меня ноги, пожалуйста», и на это Ева тоже не обижалась. Неко-

которые хотят, чтобы ты защищался, ибо привыкли выстав-
лять против чужих колкостей щит сарказма и ответных кол-
костей, но иногда проще пропустить колкости мимо ушей:
жалящей льдинкой сквозь невесомый туман души, не позво-
ляя обидным словам задержаться внутри и задеть нервные
струны.

Это не значило, что Ева не умела защищаться. Или
мстить. Просто вещи, вынуждавшие её бить в ответ, были
действительно весомыми. К примеру, она легко прощала
оскорбление в свою сторону, но никогда не прощала оскорб-
ление тех, кого любила. И даму, застрелившую её, прощать
была не намерена. И всячески подчёркиваемое презрение
некроманта к её персоне начинало её раздражать.

Отчасти потому, что такое поведение человека, упрекав-
шего её в вульгарности, она склонна была назвать не менее
вульгарным.

– Послушай, Герберт, – произнесла Ева как можно мяг-
че. – Зачем ты мне помог, если ты явно... м... не питаешь
ко мне тёплых чувств? Не подумай, я всё понимаю – в конце
концов, я тебе никто и звать меня никак... но всё-таки.

Герберт посмотрел на неё почти страдальчески.

– Не знай я, что с предсказаниями лучше не шутить, я бы
и не стал. К сожалению, я это знаю. Тебе суждено воплотить
одно важное пророчество, и здесь ты именно за этим.

Ева очень постаралась изобразить удивление.

– Что за пророчество?

– Когда на троне воссядет та, чьё сердце холодно и черно, и ужаса шёпот звучать будет не громче, чем шорох листьев, в год двух лун придёт чудище с Шейнских земель, всем и каждому гибель неся. И в день, осени смерти предшествующий, явится юная дева из мира иного, как лето прелестная, и чёрной королевы правлению конец положит; венец обручальный на чело её король истинный возложит, и сердца огнём и клинком чудище дева сразит, и жизнью своею заплатит, мир ею купив.

Герберт отчеканил это без заминки. Явно подготовившись к вопросу задолго до того, как тот прозвучал. И пару секунд Ева сидела, осмысливая то, что услышала, и даже не зная, что в услышанном пугает её больше: чудище или некий обручальный венец.

– О, так пророчество пера Лоурэн? Узнаю её слог, – воодушевлённо откликнулся Эльен, до сего момента молчавший в углу. – Сейчас её склонность к инверсиям, порой решительно путающим смысл фраз, кажется немного архаичной... но её творчество без сомнения является образцом высокой поэзии в прозе и истинным литературным памятником эпохи Империи. Простите, господин, не удержался, – добавил призрак под тяжёлым взглядом Герберта. – Вы ведь знаете, как высоко я ценю писателей той эпохи. Лоурэн в особенности.

– Если всё это обо мне, – выдавила Ева, наконец определившись, что пугает её больше всего, – пункт про «заплатит жизнью» мне не слишком нравится.

– В том вся и прелесть, – заметил Герберт с пугающей иронией. – Ты *уже* ею заплатила. При всех неудобствах это также даёт тебе некоторые преимущества. Стать мёртвой, будучи живой, довольно легко. Стать ещё мертвее, будучи мёртвой, куда труднее.

Резон в словах присутствовал, но Ева всё равно нервно сомкнула ладони в замок.

– Можешь повторить, но перевести с поэтического на человеческий? Смысл, *так* умело завернутый в высокую поэзию, на слух воспринимать трудно.

– Всё элементарно. Ты свергнешь правящую королеву Айрес. Не беспокойся, она злая, всё как в старинных легендах, – саркастично добавил Герберт. – Убьёшь дракона. Во всяком случае, у меня есть все основания полагать, что «чудище с Шейнских земель» – дракон: лишь эту зверюгу ни мне, ни отцу так и не удалось приструнить. Обручишься с тем, кто взойдёт на престол после отречения королевы. Это будет вопиющий мезальянс, но, учитывая, что большая часть керфианцев не одобряет политику королевы и ждёт твоего прихода, полагаю, это нам простят.

Меньше вопросов у Евы не стало. Даже наоборот. И испуг возрос прямо пропорционально вопросам.

– Королева. Твоя тётя, – машинально озвучила она. – Ты хочешь, чтобы я свергла твою тётю?

Некромант бросил уничижительный взгляд на Эльена.

– Не буду спрашивать, откуда тебе это известно, ибо дога-

даться нетрудно, но да: я хочу, чтобы ты *помогла мне* свергнуть мою тётю.

– И убила дракона. Настоящего.

– Нет, кукольного.

Ева обладала достаточно чутким слухом и развитой общительностью, чтобы различить маячащую за этими словами табличку «сарказм».

– Огромного, огнедышащего и с крыльями.

– Какого же ещё.

– И в человека он, конечно, не превращается.

– В человека? – В голосе некроманта скользнуло раздражение, лёгкое и шелестящее, как стрекозиное крыло. – Ваша фантазия и до такой ерунды дойти может?

Совсем плохо дело. Справиться с драконом в человеческом облике – куда ни шло, особенно если б это был дракон в *симпатичном* человеческом облике. Тем приятнее было бы склонять его на свою сторону – исключительно из деловых соображений, дабы разрешить конфликт дипломатическим путём (в конце концов, пророчествам часто присуща возможность вольных трактовок, а сразить кого-то – и даже напавал – можно без варварского кровопролития). Но легендарная зверюга с клыками...

– А меня точно ни с кем не перепутали? Я не особо похожа на драконоборца. Сам видишь.

– Исключено. Пророчество обозначило точную дату. В этот день возникла единственная прореха между мирами, и

из неё вышел единственный человек – ты. Прореха всегда бывает только одна. – Невозмутимостью тон Герберта наполнил лекторский. – Я уже сказал, что у тебя есть магический дар, и поверь: дар, который ты получила при переходе сюда, способен на многое. Вы, иномирцы, всегда... почти всегда... становитесь возмутительно сильными колдунами. И возмутительно удачливыми – в рамках здравого смысла, конечно. Увернётесь от смертельного выстрела судьбы там, где он настиг бы тысячи других людей, но не когда остриё стрелы приставлено вам ко лбу.

– В этом я уже убедилась, – бесцветным голосом подтвердила Ева.

– Так что ты свергнешь королеву после победы над драконом, – закончил некромант.

– Зачем?

– Таково твоё предназначение.

– А кроме этого?

Герберт воззрился на неё с искренним недоумением.

– Должно быть что-то кроме?

– Я так поняла, твоя тётушка – злобный тиран. От тиранов лучше держаться подальше. Они обычно живучие, зато те, кто на них покушается, в большинстве случаев плохо кончают. Я не ассасин и не испытываю особого энтузиазма при мысли о том, что мне придётся кого-то убить. Иногда хочется, – вспомнив недавнее желание освоить методы инквизиции, честно признала Ева, – но не думаю, что у меня хвати-

ло бы духа, когда дело... дошло бы до дела. Извиняюсь за тавтологию.

– Об убийстве никто не говорит! – В голосе её собеседника прорезались нотки, режущие слух ледяной крошкой. – Айрес – моя семья. Моя кровь. Я хочу, чтобы она оставила трон, не более.

– Прости, но ваши трогательные семейные взаимоотношения меня всё равно не вдохновляют.

Взгляд Герберта, задумчиво щёлкавшего костяшками длинных пальцев, сделался почти оценивающим.

– Она знает, как оживить тебя. И как вернуть домой.

Ева внимательно посмотрела на него.

– Знаешь, почему-то я тебе не верю, – с сомнением произнесла она пару секунд спустя.

– Жаль, – откликнулся некромант без всякого сожаления. – Согласись, это стало бы для тебя хорошей мотивацией.

– Лживой мотивацией.

– Попытаться стоило. – Он откинулся на спинку кресла. – Я не знаю, известно ли ей это. Но если кому-то в Керфи это известно, то ей.

– Знаешь, я лучше поищу способ ожить в других источниках. Без такого риска. Наверняка где-нибудь в библиотеках есть магические талмуды, в которых...

– И раз уж более цивилизованные мотивы не являются для тебя достойными, возможно, тебя порадует шанс отомстить.

– Отомстить? За...

Ева осеклась, когда разрозненные мысли, фразы и факты вдруг сложились в единый пазл.

– Она убила меня. Королева. Твоя тётя. – Произнести это вслух оказалось крайне странно. – Она знала о пророчестве. Знала, когда я приду. И убила меня, чтобы оно не воплотилось.

– А в отместку ты свергнешь её. Так гласит пророчество, и, поверь мне, так будет, – непререкаемо закончил Герберт. – Надеюсь, *это* тебя мотивирует?

Ева посмотрела на него исподлобья.

Пазл в голове продолжал собираться, и кое-какие выводы её совершенно не радовали.

– Согласно пророчеству я стану невестой истинного короля, – сказала она, озвучивая простую логическую цепочку. – Ты – наследник королевы. Наследник, который хочет её свергнуть. Не с тобой ли случайно я должна обручиться?

Эльен, до того очень успешно изображавший просто тень у камина, как-то странно кашлянул.

– Я понимаю, что тема свадьбы начинает волновать девочек, как только они обретают способность волноваться и познают значение слова «свадьба», но об этом тебе пока беспокоиться не стоит. – Сухой, как старый пергамент, голос некроманта очень ясно подсказал: развитие темы его не порадует. – Перед всей этой свадебной ерундой у нас будет много других хлопот.

Возможно, в иной ситуации Еву смягчил бы факт, что те-

ма помолвки явно воодушевляет Герберта не больше неё самой. Может, даже насторожил бы.

Однако сейчас о его чувствах Ева склонна была думать в последнюю очередь.

– Так это ты! – Опершись ладонями на стол, она гневно вскочила на ноги. – Ты... ты хочешь сесть на престол, хочешь править сам! Вот зачем я тебе нужна! Я для тебя – Экскалибур на ножках! – *Или это не его Артур вытащил из камня?* Ева внезапно задумалась. *Там же ещё была какая-то озёрная дева с каким-то мечом...* Впрочем, сейчас это определённо было не самым актуальным вопросом. – Народ знает о пророчестве и ждёт моего прихода, так? И если я свергну королеву и убью дракона, а потом обручусь с тобой, никто не посмеет усомниться, что ты и есть тот самый «истинный король»!

– Надо же, – протянул некромант. – Быстро поняла. – Он вновь взялся за вилку. – Похоже, ты всё-таки умнее, чем кажешься. Но позволь узнать, что вызвало в тебе такое возмущение?

Ева стояла, удерживая на языке всё, что ей хотелось высказать по этому поводу. Посмотрела на Эльена, взор которого был почти страдальческим.

Опустила взгляд на свои ладони, непроизвольно сжавшиеся в кулаки.

– Я не хочу во всём этом участвовать, – произнесла она наконец.

– Ожидаемо. Но видишь ли, я тебя поднял, и ты исполнишь любой приказ, который я тебе отдам, – сказал Герберт прохладно. – Учитывая то, что тебе предстоит, я не хочу превращать тебя в зомбированную куклу. Нам и без того придётся скрывать факт твоей смерти: мёртвая спасительница может вызвать... предубеждение. Однако суть в том, что ты исполнишь предначертанное и ты будешь сотрудничать со мной, и я рассчитываю, что ты окажешься достаточно разумной, чтобы сделать это добровольно. Потому что иначе ты всё равно это сделаешь, просто с лишней морокой для меня и страданиями для себя. – Он отстранённо подцепил серебряными зубчиками кусок безнадёжно остывшей колбаски. – Так что мы изменим мир. Ты и я.

– И выбора у меня нет.

– Никакого.

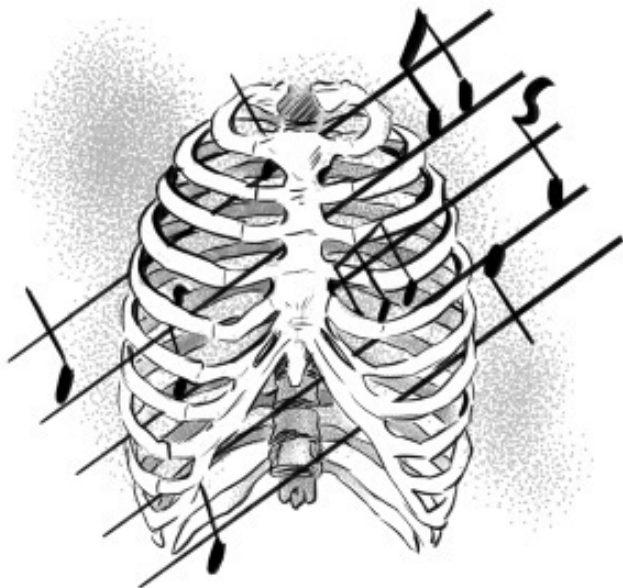
Глядя, как некромант безразлично дожёвывает свой завтрак, Ева подумала. Ещё подумала.

Разжала кулаки, вонзив ногти в пергамент старой карты. Очень мило улыбнулась.

– Ладно, – сказала она. – Думаю, мы поладим.

Глава 3

Infurianto⁴



Следующей ночью Ева впервые попыталась убежать.
На успех она не рассчитывала, но Дерозе и прочие пожит-

⁴ Гневно (муз.).

ки на всякий случай прихватила. В шкафу нашёлся плащ, окутавший её фигурку с головы до ног (нечего смущать местных странным нарядом, а людей королевы – потенциально подозрительным лицом). Там же обнаружилась просторная замшевая сумка на длинном ремне: в неё отправился серебряный подсвечник, который Ева надеялась заложить в ближайшем ломбарде, если в этом мире они существовали.

Тихо спустившись на первый этаж, девушка проследовала к выходу из замка. Пройдя через внутренний двор – брусчатую площадь с колодцем посередине, – сквозь каменную арку вышла в крайне запущенный сад.

Вглядываясь в непроглядную тьму, резко взмахнула правой рукой, точно отражая невидимый удар.

Ничего.

– Ну давай!

Вторая попытка призвать необходимое тоже не увенчалась успехом.

Покосившись на освещённые окна, горевшие за спиной тревожными сигналами, Ева досадливо сжала пальцы.

– Если ты считаешь, что сейчас мне не надо себя защищать, ты неправ, – сказала она, увещевая пустоту. – Я собираюсь спуститься к воротам через очень тёмное место, которое прежде видела только из окна. При таком раскладе споткнуться и свернуть себе шею – раз плюнуть. Я, конечно, и так почти мертва, но быть мертвецом со свёрнутой шеей определённо печальнее, чем с целой. Творить какие-нибудь

волшебные фонарики, если они и есть, я пока не умею. Так что ты мне очень нужен. Появись, ладно?

Сосредоточилась, махнула рукой в третий раз... и удовлетворённо воззрилась на то, что появилось в ладони, разогнав тьму ровным голубоватым светом.

К сожалению или к счастью, но ночи предшествовал долгий день, а на пути к желанной короне некромант не желал терять ни минуты, так что после завтрака немедленно принялся лепить из Евы спасительницу всяя Керфи.

– Для нормального обучения магии времени слишком мало. Придётся не учить тебя, а натаскивать, – с привычной брезгливостью и брюзгливостью бросил Герберт, приведя её в зал, отведённый для магических тренировок. – Освоишь владение стихийным оружием, пару щитов, несколько боевых заклинаний – тебе этого хватит.

– Стихийное оружие?..

Впоследствии уроки венценосного сноба Ева собиралась по возможности саботировать. Но поскольку магический дар – штука, с которой сталкиваешься не каждый день, и довольно полезная, азам она решила научиться у профессионала.

– Любой маг может призывать стихийное проявление колдовского Дара. – Вид Герберта ярко демонстрировал, что некромант далёк от любви к преподаванию примерно так же, как Ева – от дома. – Он воплощается оружием, наиболее близким сути мага, и являет собой чистый сгусток маны.

– Маны? – В памяти всплыл арбалет, огнём пылавший в

руках королевы. — Что, как в компьютерных играх?

— Не знаю, о чём ты, но рад, что в вашем мире есть понятия, которые позволят мне не разжёвывать элементарное. — Герберт воздел руки к расписному потолку, где по нежной майской зелени вились цветочные узоры. — Начнём.

Когда тень в углу зала шевельнулась, Ева решила, что ей мерещится.

Когда тень сгустилась, приобретя примерно человеческие очертания — если б люди могли быть с щупальцами вместо рук и клубами бесформенного чёрного дыма вместо лица, — лишь утвердилась в этой догадке.

Когда тень оказалась рядом и рука, похожая на сгусток темноты, потянулась к Еве, поняла: если ей и мерещится, стоять и ждать, пока выдуманный монстр сделает её ещё мертвее, не стоит.

Ева кинулась бежать. Что-то обвило её лодыжку, заставило рухнуть на пол; девушка заскребла ногтями по пошарпанному паркету, но щупальце за ногу тащило её обратно. Рывком перевернувшись на спину, Ева вскинула руку... и чудовище над ней разорвало вспышкой голубого света — так, точно его полоснули сияющим хлыстом.

Сгущённая тьма рассыпалась клочками, таявшими в воздухе.

Когда Ева встретила глазами с некромантом, тот сверлил её таким взглядом, будто это она натравила на него тенетаклевого монстра.

Еве хотелось сказать ему многое. Но поскольку громкому бунту она предпочла тихий, то вымолвила лишь:

– За что?!

– Оружие материализуется, когда магу нужно защищать себя. – Герберт кивнул на её правую руку, бессильно упавшую на каменный пол. – Скажи на милость, что *это*?

Ева проследила за его взглядом.

В пальцах переливался аквамариновыми отблесками виолончельный смычок.

Он лежал в руке как влитой. Вместо волоса – тончайшие лучики василькового света, слегка изогнутую трость словно соткали из мерцающего хрусталя. Секунду спустя Ева поняла: нет, не хрусталь. Вода. Текучая вода, принявшая форму смычка, точно симитировав трость и невысокую колодку. Даже обмотка под указательным пальцем присутствовала – из тонкого, как проволока, белого света.

– Смычок, – удивлённо и радостно констатировала Ева.

– Вижу, что смычок, – раздражённо сказал некромант. – *«Сердца огнём и клинком чудище дева сразит»*, сказано в пророчестве. У тебя должен быть огненный меч. Маги обычно призывают или меч, или лук, или арбалет – оружие, в общем. А это что за ерунда?

Ева повертела смычок в руке.

Баланс был идеальный. Волшебная вода – твёрдая, как стекло, – на ощупь казалась шелковистой. Можно ли этим смычком действительно играть?.. Едва ли вода способна ре-

зонировать в ответ звуку виолончели. Скорее, служить глушителем.

– Там сказано, что дева сразит чудище огнём сердца. И клинком, – переводя строку с поэтического на человеческий, справедливо возразила она. – Про то, что клинок будет огненным, ни слова.

Ева не стала предполагать вслух, что произошла ошибка и она вовсе не та дева. Даже если не та, королева убила её в любом случае, а Герберт оживил только из-за пророчества. И Ева не сомневалась: если надобность в ней отпадёт, некромант без особых раздумий поможет ей упокоиться окончательно.

– К сожалению, не все в народе хорошо разбираются в тонкостях строения фраз. Народ ждёт спасительницу с пылающим мечом. А это в любом случае не меч. – Герберт устало прижал пальцы к вискам. – Ладно, давай проверим, на что он годен.

Следующую пару часов Ева отбивалась от теневых монстров, которых некромант исправно призывал на её голову. В процессе выяснилось, что смычок, как ни странно, и правда похож на магический хлыст. Как скупое пояснил Герберт, управление им базировалось на концентрации, силе воли и мысленном приказе; самого «кнута» видно не было, и к необычному оружию надо было приспособиться, но по действию Ева представила нечто вроде длинной упругой струны из чистого света.

Как выяснилось, хлыст рассекал врагов не хуже меча, отбрасывал их или связывал – в зависимости от желания владелицы. Последнее пришлось Еве по душе: наблюдать, как чудище скрючивает невидимой верёвкой, надёжно приматывая руки-щупальца к телу, было даже забавно. Правда, удержать врага в путах требовало немалых усилий – смычок рвался из пальцев, точно Ева сжимала удочку, на которую подцепила акулу.

– Достаточно, – махнул рукой Герберт, когда очередная тень скорчилась в волшебных путах. – Я понял.

Монстр растаял в воздухе моментально. Ева, напряжённо сжимавшая смычок, чуть не упала, когда противоборствующая сила вдруг испарилась.

– Что это за штуки? – спросила она, неловко восстановив равновесие.

К концу урока она немного привыкла к чёрным тварям, но лишь немного. И даже не знала, что пугало больше: их непохожесть на людей или сходство. В туманных фигурах порой угадывались привычные человеческие одеяния (если делать скидку на фэнтезийный мир), шляпы, капюшоны, кудри на голове, под которыми на миг как будто проступали мужские черты... чтобы тут же быть съеденными чернотой, скрадывавшей всё, обезличивающей их до манекена, сотворённого тёмной магией.

– Тени людей, которых я убил, – откликнулся Герберт с восхитительным равнодушием. – Умершие от руки некро-

манта обретают покой, лишь если он того хочет. Иначе их души остаются навеки привязанными к этому миру, и некромант может в любой момент призвать их для защиты. Своей воли они лишены, послушаться, разумеется, не могут.

Ева уставилась туда, где совсем недавно туманная фигура дёргалась в незримой петле.

– И я что... уничтожала их? С концами?

– Нет, конечно. Уничтожить их невозможно – лишь убить некроманта, к которому они привязаны. Или полностью истощить его силы. Тени временно развеиваются, потом, подпитываясь моей энергией, воплощаются снова. Ты могла бы заметить сходство между противниками, не будь слишком занята тем, чтобы трястись от страха и жалеть себя.

Ева посмотрела на него.

Атаку Герберт отразил без малейшего труда: невидимая струна с негромким, бархатистым и очень мелодичным «*дзинь*» (ля малой октавы, как определил Евин абсолютный слух) отскочила от прозрачного купола, накрывшего некроманта огромным пузырьём преломлённого воздуха. От столкновения с преградой смычок возмущённо завибрировал в пальцах.

– И что это было? – прохладно поинтересовался оппонент.

– Тренировка, – откликнулась Ева, невинно сложив руки за спиной. – Мне же надо знать, как эта штука сработает на людях.

– Вот как. – Герберт склонил голову с видом, ясно гово-

рившим «будем считать, я тебе поверил». – Все мои тени – наёмные убийцы. Которые очень хотели убить меня, а до того убивали по-настоящему хороших людей. Плохих тоже, но хороших, полагаю, было больше. Если тебя это успокоит. – Он небрежно отвернулся. – Мне нет никакого дела до того, что ты обо мне думаешь, но вряд ли наши занятия будут продуктивными, если ты продолжишь смотреть на меня как телёнок на мясника.

Ева промолчала.

...парень, который любит котиков, не может быть таким уж плохим. Парень, которому служит – и которого любит – такой милый призрак, как Эльен, тоже. И пусть некромант порой ведёт себя откровенно по-скотски, на серийного убийцу он не похож.

Ох, остаётся надеяться, что её вечное стремление верить в людей (даже в некромантов, которые ведут себя откровенно по-скотски) не подведёт.

– За мной, – велел Герберт, устремляясь к выходу из зала. Купол исчез, стоило ему сделать шаг, но Ева не сомневалась, что при необходимости так же быстро появится вновь. – У тебя на сегодня есть формулы, которые надо выучить. Потом урок с Эльеном и со мной.

Она воззрилась на смычок, мирно мерцавший в ладони:

– А что делать...

– Разожми пальцы и отпусти его. Исчезнет сам. Призывать по собственному желанию научу завтра.

Ева послушалась. С некоторым сожалением узрев, как смычок растворяется в пустоте, поторопилась за новообретённым учителем.

– А у тебя какое магическое оружие? – осторожно поинтересовалась она, пока они шли по коридорам, где на полу дрожал пёстрый свет дня, просеянный сквозь витражи.

– Некромантия. Либо некромантия, либо стихийный Дар. Вместе они не уживаются.

– Вот как. Поэтому вместо волшебного меча ты призываешь персональную свиту из теней отца Гамлета?

На сей раз ответом её не удостоили, и до знакомой библиотеки с алтарём они шли молча.

Разглядывая её сейчас в не столь ошеломлённом состоянии, Ева признала, что библиотека впечатляет. Даже если не учитывать алтарь, украшавший далеко не все библиотеки, и разлёгшегося на нём кота. Книжные шкафы пестрели по всем стенам и высились до потолка – примерно в три Евы высотой; к одному из шкафов прислонили передвижную лестницу, скользившую по приделанной над полками рельсе.

Стремительно вскарабкавшись по ступенькам, некромант ловко проехался вдоль всей стены. Позволив лестнице переместиться по изогнутой направляющей на следующую, он резко затормозил у шкафа прямо напротив входа, чтобы вытащить с верхней полки толстый том в кожаном переплёте.

– Выучишь это. – Открыв книгу где-то в начале, Герберт бесцеремонно загнул уголок страницы. Кинул талмуд в на-

правления Евы: плавно спланировав вниз, книга перелетела через просторную комнату прямо в девичьи руки. – Последовательность слов и рун. Нужное место я пометил.

Она открыла ветхий фолиант, почти кричавший «я магическая книга».

Помимо строчек на керфианском, вещавших что-то о сотворении щита, там обнаружились строки, которых Ева не понимала, но знала, как их читать. Должно быть, заклятие. Затем следовала чередой символов, смахивающих на плод греховного союза скандинавских рун и японских иероглифов.

– Это простейший защитный купол. А это, – Герберт послал в полёт ещё одну книгу, – усыпляющее заклятие. Чертить руны без меня не пробуй. Вечером покажу, как надо.

– Это ведь заклятия, да? – поймав второй магический кирпич, понимающе уточнила Ева. – Что они значат? Все эти слова и символы? Как переводятся?

– За такое короткое время ты всё равно не разберёшься. – Поразмыслив, некромант неохотно проехался до соседнего шкафа. – Если тебе интересно, можешь прочесть это. Но лучше просто заучи формулы наизусть.

Два других талмуда Ева перехватила уже с трудом.

– Как я люблю учителей, которые вместо объяснений предлагают почитать учебник и заняться зубрёжкой, – кое-как сложив книги в оттянувшую руки стопку, заметила она с не особо скрываемым сарказмом. – Лучшие учителя в мире.

Не утруждая себя спуском, Герберт прыгнул вниз, легко приземлившись на каменный пол и тут же выпрямившись; кажется, у самой земли некромант слегка притормозил, словно его встретила воздушная подушка.

— Будь в своей комнате. Урок с Эльеном через час. Он сам к тебе придёт.

Скрепя небьющееся сердце Ева безмолвно выполняла приказ: до намеченного бунта она решила вести себя пайнковой.

Две дарованные некромантом книги оказались чем-то вроде словарей, озаглавленных «Ансиентские руны» и «Язык Изнанки». Страницы первой исписали рунными иероглифами с переводом их значения на керфианском. Страницы второй — словами на неведомом Еве языке. Слова были самыми простыми, всегда односложными: «Пламя», «Тишина», «Свет», «Сон», «Падение» et cetera. Ни предисловий, ни пояснений не прилагалось.

Примеры в книгах заклинаний подтвердили, что на языке Изнанки творили заклятия, которые подкрепляли цепочкой рун. Цепочку требовалось выписывать в воздухе то ли пальцами, то ли смычком, и пока Ева не совсем представляла, как при таком раскладе маги вообще выживали — проткнуть тебя мечом или подстрелить, пока ты вырисовываешь витиеватые вензеля, было проще простого. То ли дело смычок, который будто сам знал, что надо делать. За минувшую тренировку Ева не раз замечала, что волшебное оружие тянет

руку в нужном направлении: им следовало не столько управлять, сколько не мешать ему управлять тобой.

С другой стороны, Герберт призвал магический щит почти мгновенно. А человек, впервые взявший в руки виолончель, тоже вряд ли поймёт, как можно сыграть на ней «Танец эльфов» Поппера...

Тяжело вздохнув, Ева достала нотную тетрадку и карандаш.

От одного слова «формулы» ей делалось тоскливо. Физику и математику она ненавидела со школы. Вернее, не ненавидела, просто считала невероятно скучными. С другой стороны, это ведь настоящая боевая магия. И если она поможет в один прекрасный момент *приструнить* одного венценосного сноба, который потенциально может оказаться ещё и серийным убийцей...

К моменту, когда в комнату постучал Эльен (Ева отметила деликатность призрака, который наверняка мог просто проплыть сквозь дверь), она худо-бедно расшифровала две заданные последовательности и старательно их заучивала. Заклятие – выписав возникшую в голове транскрипцию на манер стиха. Рунную формулу – расположив на нотных строчках извращённой формой музыкальной нотации и повторяя снова и снова, как пропись. Первую руну карандашом на бумаге Ева вырисовывала с большой опаской, но та не возымела никакой силы.

– *Тэкми франаллэ хелл хёлден*, – расхаживая взад-вперёд

по спальне, нараспев повторяла она, словно заучивая номер по сольфеджио. – Свет, воздух, помощь, щи-ит... Войдите!

– Как вы прилежны! – с привычной восторженностью воскликнул призрак, из приличия даже открыв дверь. – Господин не мог заполучить более старательную ученицу.

Ева промолчала. Тоскливо посмотрела в окно, за которым облезлый осенний сад ярусами спускался к мощным крепостным стенам.

Вид из окна открывался воистину потрясающий. Также этот вид открывал, что обитель некроманта располагалась на вершине невысокой горы посреди леса и ее обвивала серебряная ленточка узкой реки. Подобраться к замку можно было либо по единственному мосту, перекинутому над рекой, либо по крутому склону лесистой горы, где в конце концов тебя встречали отвесные каменные стены и высокие башни.

Пробраться в это место было очень непросто. Сбежать, как Ева подозревала, тоже.

– Эльен, – бросив тетрадь на кровать, решила спросить она, – с чего ваш господин вообще взял, что я – дева из пророчества? Там было сказано, когда я приду, но не было сказано, где я появляюсь. Даже дату указали весьма расплывчатую.

– Нисколько, – спокойно сказал Эльен. Прикрыв дверь, прошёл к постели; жестом предложив ей сесть, опустился рядом – покрывало под ним ожидаемо не промялось. – Год двух лун случается раз в столетие. Сейчас – именно он. День,

предшествующий смерти осени, – последний день осени, как легко догадаться. Сегодня наступил первый день зимы. Пусть отсутствие снега вас не смущает, он выпал пару недель назад, но весь растаял. Думаю, вскоре выпадет снова, чтобы остаться с нами до весны.

– Но у меня нет волшебного клинка. Только смычок... не очень полезный, судя по всему.

– О, так ваш Дар – музыкальная магия? И вы зовёте его «не очень полезным»? – Призрак качнул головой почти возмущённо. – Я понимаю, отчего господин мог счесть так, но поверьте, лиоретта: музыкальный дар на этом континенте почти не встретить, а способен он на многое. Клинком можно защититься или убить. Музыкой – исцелить, подчинить, сотворить иллюзию, управлять пространством, внушить свою волю, подселить фальшивые воспоминания и стереть настоящие... Кажется, где-то в библиотеке была нужная книга. Лиэр Кейлус дарил господину Рейолю, когда они ещё общались. Позже принесу её вам. – Рассеянный взгляд устремился куда-то мимо её плеча: то ли Эльен пытался вспомнить нужную полку, то ли окунулся в очень далёкие и не слишком приятные воспоминания. – Конечно, дабы овладеть всем этим в совершенстве, необходимы немалый самоконтроль, должный уровень одарённости и время, но...

– А вдруг вчера где-то вывалилась ещё одна девушка и она-то вам и нужна? И... как королева вообще знала, где меня найти?

– Прорехи – таинственная и плохо изученная область магии, и ваш покорный слуга слишком несведущ в ней, чтобы дать точный ответ. Известно, что они появляются там, где истончаются грани между мирами. Некоторые полагают, что людей из вашего мира затягивает к нам с некоей целью – не раз и не два случалось, что иномиряне меняли судьбы целых королевств. Те из них, что не умирали прежде, чем добиралась до королевского двора, – добавил призрак. – И, поверьте, прореха всегда открывается лишь одна. Вторая не может возникнуть в тот же день. А самые могущественные и сведущие колдуны, ориентируясь на возмущения магического поля, способны производить вычисления, кои указывают им время и место открытия следующей прорехи.

– Так королева – могущественная колдунья?

– Наверное, самая могущественная в Керфи. Колдунья, но не некромант, – уточнил Эльен.

Удручённо грызя карандаш, Ева добавила к портрету своей убийцы немаловажный штришок, что делало потенциальное сражение с королевой ещё менее приятной перспективой.

Спрашивать, можно ли не только провалиться в прореху, но и вернуться обратно, она не стала. Во-первых, потому что до воскрешения говорить об этом нечего, во-вторых, потому что больше всего на свете она боялась услышать «нет». Лучше уж думать, что всё возможно: просто с проблемами нужно разбираться по мере поступления.

– Откуда вообще взялось это пророчество?

– Из Книги Лоурэн. – Зеленоватые глаза призрака воодушевлённо заблестели. – Это предсказательница... Служила придворным астрономом в Айдене, столице Керфи, чуть больше трёх веков назад. Помимо четырёх сборников стихов и шести поэм, послуживших её литературным наследием, Лоурэн вела дневник, куда за свою жизнь успела записать восемьсот шестьдесят три предсказания. Ещё пару она изрекла посмертно, выйдя на связь с некромантами, но не суть важно. Пророчества эти всегда сбывались. Быть упомянутым в них – великая честь. – Эльен мечтательно воззрился куда-то в окно. – Маги озаглавили дневник «Книгой Лоурэн». Она традиционно хранится в королевской сокровищнице, ибо пророчества – великая тайна, ведомая лишь самой верхушке власти. Видимо, господин как-то получил к нему доступ... Хотя, учитывая, что ему предстоит наследовать престол, немудрено.

– Судя по тому, что народ ждёт спасительницу с огненным мечом, не только он.

– Возможно, кто-то из политических оппонентов Её Величества постарался. Достаточно пустить слух, и он разойдётся очень быстро... Впрочем, довольно лирики. Уверен, вам не терпится приступить к обучению.

Ева не решилась разочаровывать того единственного, к кому в этом мире испытывала искреннюю симпатию, и урок начался.

Ей сжато поведали историю Керфи, прояснив его роль на мировой политической арене. Изложили нормы поведения в тех или иных слоях общества. Научили исполнять весьма сносные реверансы различной степени раболепства. У Эльена, в отличие от его господина, задатки преподавателя явно были в крови – обучение проходило в непринуждённой разговорной форме, с шутками и неизменными словесными поощрениями после успеха (и даже после неудачи).

Как выяснилось, давным-давно Керфи завоевал император воинственной страны Ильден, расположенной на соседнем континенте. Керфи вошло в состав Великой Ильденской Империи и пробыло в ней двести лет, пока великому некроманту по имени Берндетт не удалось сплотить народ и сбросить пяту захватчиков. Вскоре Ильденская Империя и вообще развалилась, и ныне Ильден – скромная маленькая страна, тогда как Керфи – процветающее и просвещённое государство, сила, с которой считаются... и которой опасаются. Внешняя политика королевы Айрес была довольно агрессивной, внутренняя – пахла террором. За последние годы королева провела множество экономических и военных реформ, и всё указывало на то, что страну готовят к войне. Видимо, завоевательной.

Урок прервало появление Герберта: тот всё же соизволил постучаться, но вступил в комнату миг спустя, не дожидаясь ответа. Бесцеремонно выставив Эльена за дверь, он принялся учить Еву чертить руны – один раз демонстрировал, как

надо, после чего требовал повторить.

Руны действительно рисовались в воздухе кончиками пальцев. Левой рукой: в правой надлежало держать смычок. Сама по себе рунная цепочка не имела силы – лишь подкреплённая закланием, которое требовалось выговорить вслух. Таким образом Ева могла тренироваться, не опасаясь что-нибудь взорвать. Но поскольку некромант возжелал, чтобы она тренировалась при нём, и висел над душой, пока Ева не выдала обе цепочки без ошибок и в удовлетворительном темпе... А Ева нет-нет да и вспоминала про его невидимую свиту...

В общем, когда Герберт милостиво оставил её в покое, девушка поняла, что за сегодняшний день ролью Избранной сыта по горло, и теперь шагала по ровной брусчатке, озаряя путь смычком.

Скелеты облетелых деревьев тянули к госте тощие ветви. Сквозь тёмный сад дорога круто спускалась к мосту через реку, каменным замковым стенам и воротам – они, естественно, оказались заперты, как и врезанная в одну из створок небольшая дверь. Прежде чем схватиться за тяжёлый засов, Ева осторожно коснулась его смычком, но никакими подозрительными чарами тот не отбросило.

Она уже тянула к засову руку, когда услышала голос:

«Ко мне».

Приказ Герберта раздался прямо в голове, звеня колокольчиком из бархатистого льда.

Ноги тут же развернулись, чтобы нести свою владелицу обратно в замок. Все попытки противиться оказались тщетными – тело обернулось шарнирной куклой, которую кто-то волок за ниточку.

Перед глазами в обратном порядке проплыл только что проделанный путь: дорога через сад, каменная арка, внутренний двор с колодцем, двустворчатые двери в замок, лестница, по которой Ева совсем недавно спускалась. В конце концов ноги внесли её в библиотеку и приблизили к столу неподалёку от алтаря. Герберт сидел там: в удобном мягком кресле, закинув ноги на стол, с книгой в руках, закрывавшей его лицо.

Опустил её, лишь когда Ева беспомощно замерла напротив.

– И куда это мы собрались?

Его глаза походили на голубые льдинки, как никогда раньше.

Колдовские ниточки, проникшие под кожу и распоряжавшиеся телом вместо неё, стали ослабевать – и Ева широко улыбнулась:

– Прогуляться.

В её улыбке не было ни раздражения, ни злости. Она не рассчитывала на успех: за годы обучения привыкла, что на пути к одной-единственной удаче нужно перешагнуть через сотни неудач. Изю дня в день, часами, плавно переходящими в сутки, отрабатывать один и тот же недающийся пассаж,

чтобы однажды, порой за минуты до выступления, он всё же тебе дался – занятие не для тех, кто не готов к неудачам.

Чтобы в один прекрасный день побег увенчался успехом, она обязана была предпринять провальную попытку. Пока-завшую многое.

– Ты всерьёз считаешь, что избежнешь предназначения, если сбежишь? – спросил некромант пренебрежительно. – Что сможешь обойтись без меня?

– Попытаться стоило.

Судя по лицу Герберта, цитату из себя любимого тот вспомнил.

– Любишь эксперименты, я вижу. Ну-ну. – Он вскинул книгу, закрыв скучающую гримасу, скривившую его губы. – Иди в свою комнату. В наказание не выйдешь оттуда, пока я не скажу. Это приказ.

Прежде чем ноги понесли её прочь из библиотеки, Ева всё же успела отвесить некроманту поклон. Со всей иронией, какую можно было выразить в одном изящном, годами натренированном движении.

В ответ её проводили долгим пристальным взглядом поверх потрёпанного книжного корешка.

Ничего, думала Ева, возвращаясь в спальню – по приказу, полностью согласовывавшемуся с её намерениями. Ещё посмотрим, кто кого.

Эльен тоже сдержал слово: на кровати ждал небольшой

томик в лаконичной чёрной коже с дарственной надписью *«Эдрилину от Кейлуса в доказательство, что мои слова о величии музыки имеют под собой основание»*. Почерк подписи был тонким, витиеватым, колючим – и после первых же страниц Ева прониклась к его обладателю сердечной благодарностью. Судя по гладкости и девственной чистоте плотной бумаги, книгу так ни разу и не открыли, и к лучшему: если некромант не знал того, что теперь стремительно узнавала Ева, это было ей только на руку.

Хотя магические экзерсисы и прочие события минувшего дня здорово её утомили, спать девушке по-прежнему не хотелось, а бесполезному бодрствованию она предпочитала полезное.

К моменту, как за окном посветлело, а голос Герберта велел ей спускаться в тренировочный зал, у Евы появилось вполне ясное представление, на что *действительно* способен её Дар, и смутное – как сопротивляться приказам некроманта. Впрочем, проверку всех её бредовых идей пришлось отложить. Пока же Ева отправилась на новый урок, радуясь, что в нынешнем состоянии после бессонной ночи ей не грозит вырубиться на парте или смотреть на учителя мутными красными глазами человека, способного думать лишь о двенадцатичасовом свидании с подушкой.

Тренировка была долгой, упорной и, надо признать, плодотворной. После тридцати-сорока попыток смычок наконец перестал капризничать, когда Ева его призывала. Вер-

нее, Ева наконец поймала нужное ментальное состояние, поверив, что смычок не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда – он часть её самой, и достать его так же просто, как если б он был привязан к её пальцам. Требовалась лишь капелька концентрации, чтобы ощутить его в ладони за миг до того, как он действительно появится. Затем некромант велел воплотить на практике те заклинания, что вчера Ева заучила в теории. Получилось не с первого раза: одновременно проговаривать заклятие и выплестать пальцами руны – задача не для дилетантов. Но потом Еву осенило, что это как двухголосные номера по сольфеджио – петь одну мелодию, играя на фортепиано другую...

Хотя скорость оставляла желать лучшего, а десяток неудачных попыток стоил и без того потрёпанному зальчику ещё пары подпалин на потолке и трещин на стенах, выкрашенных в весенние тона, Ева всё же сотворила оба заклинания (координация и натренированные пальцы музыканта помогли). Мерцающий пузырь щита успешно отразил заклятия Герберта, бессильно танцевавшие в воздухе разноцветными искрами, и удержал тени, которые очень старались прорваться внутрь. Усыпляющие чары отлично сочетались со смычком: обезвредив врага магическими путами, можно было без труда его вырубить. Призрачные оппоненты под действием заклятия не засыпали, а развоплощались, но сути упражнения это не меняло.

Закончили они, когда в саду уже смеркалось. Еву снова

повели в библиотеку, дабы выдать пару новых книжек; карабкаясь по лестнице к верхним полкам, Герберт застыл на полпути, вглядываясь в окно.

Пакостно усмехнувшись чему-то, продолжил восхождение.

Последней ступеньки он достиг одновременно с тем, как в библиотеку прямо сквозь пол влетел Эльен.

– Лиоретта, – не замедлил учтиво поклониться он. Тут же повернулся к Герберту. – Господин, у нас...

– Проникновение. Я заметил. – Безразличным взмахом руки он отправил лестницу в стремительную поездку вдоль шкафов. – Охранный контур замкнут на мне, если ты забыл.

– Кто-то пробрался в замок? – спросила Ева, пока некромант скользил мимо книжных полок.

– Полагаю, очередной наёмный убийца.

– Убийца?!

– Кажется, вчера я уже о них упоминал. Дорогой дядя Кейлус регулярно пытается расчистить дорогу к трону. – Наконец остановившись, некромант с тем же восхитительным безразличием приласкал пальцами книжные корешки, всматриваясь в названия. – А я на днях вспоминал, что в последний раз меня пробовали отравить целых три месяца назад...

Прильнув к окну, Ева всмотрелась в сад: заросли голых кустов мокли под морозящим дождём, на лестницах между ярусами гнила пожухлая листва. В круглом каменном бас-

сейне далёкого фонтана, не думающего работать, застойная вода ожидала зимних заморозков.

Она никого не заметила. Впрочем, наёмного убийцу, призванного прикончить наследника престола, вряд ли было бы просто заметить.

– Прошлый добрался почти до фонтана, – листая пухлый том, заметил Герберт. – Интересно, как далеко зайдёт этот.

В саду сверкнул изумрудный всполох. Вокруг самого заурядного куста кольцом взвилось зелёное пламя.

На его фоне Ева на миг различила некую фигуру, тут же слившуюся с темнотой.

– Первый ярус есть, – констатировал Эльен, наблюдавший поверх Евиного плеча.

– До третьего не доживёт, – качнул головой некромант. – Срезаться на капкане Белларда – выдаёт посредственность. Дядя мог найти кого-то получше.

– У тебя в саду расставлены ловушки?..

– *Естественно*, у меня в саду расставлены ловушки. – Герберт посмотрел на неё как на слабоумную. – Сад и ворота – единственное уязвимое место. С других сторон сквозь мою защиту не пробиться. – Отыскав нужную страницу, он аккуратно загнул уголок. – То, что я живу без охраны, значит лишь то, что сам себя я охраняю куда успешнее.

– Принимая во внимание характер достопочтенного лиэра Кейлуса, – добавил Эльен, – со стороны господина было бы самоубийством не защититься от... О, смотрите-ка, он

решил перебраться поближе к главной дороге!

– Неужели надеется, что там ловушек меньше? – Герберт отправил книгу по направлению к Еве. – Как скучно.

Поймав толстый фолиант, Ева попыталась снова разглядеть в сумерках чужой силуэт. Не получилось; зато отблески заклятий, отмечавших путь убийцы к дороге до моста, виделись без труда.

Уточнять, действительно ли кровожадный дядя Кейлус и Кейлус, чьими стараниями замковую библиотеку пополнил труд по музыкальной магии, – одно лицо, девушка не стала. Хотя бы потому, что о её знакомстве с этим трудом некроманту знать совершенно ни к чему.

И если подумать, желание прикончить венценосного племянника с таким ангельским характером, как у Герберта, можно понять.

– Кажется, он решил ретироваться, – когда вспышки удалились по направлению к воротам, резюмировал Эльен.

– Вот как. – За следующую книгу Герберт взялся со злобным удовлетворением. – Удачи.

В саду полыхнула последняя вспышка. Сквозь приоткрытые окна снаружи пробился душераздирающий вопль.

Некромант даже не удостоил его вниманием – просто перелистнул страницу.

– Теперь ты достанешь его оттуда, куда он угодил? – мрачно спросила Ева, когда стало ясно, что дальше продвинуться убийце не суждено. – И допросишь?

– Допрашивать их бесполезно. Все они при заключении контракта дают клятву Эйф. Умирают прежде, чем смогут рассказать о заказчике хоть что-то. – Пометив нужное место, Герберт прыгнул на пол. – Нет, теперь я прикажу прислуге его закопать. Мои ловушки срабатывают без осечек, а рассчитанных на пленение я не ставлю.

Ева лишь сдавленно кашлянула, пока некромант шёл к ней, слегка помахивая книгой в опущенной руке.

Ещё одной тенью в его призрачной свите стало больше... Что ж, хоть насчёт происхождения этой свиты ей не соврали. А защитные ловушки – всё же не хладнокровное убийство собственными руками.

– И ловушки срабатывают на всех посторонних? – слабым голосом поинтересовалась девушка, вспоминая вчерашнюю прогулку.

– На всех, включая нежить и прочие подозрительные объекты. Кроме названных мною исключений. – Герберт вручил ей очередной потрёпанный талмуд. – Но поскольку ты моё создание, для моих ловушек ты и я – одно лицо. Если тебя интересует, почему твоя жалкая пародия на побег не окончилась повторным пробуждением на алтаре. – Ева постаралась скрыть облегчение, но по взгляду некроманта поняла, что ей это плохо удалось. – Выучишь список и историю великих домов Керфи. Эльен тебе поможет. Во второй книге – ещё одно боевое заклятие. Завтра меня не будет до вечера – отрабатывай старое и разучивай новое самостоятельно. Если

решишь лениться, узнаю. И не вздумай покинуть замок, пока меня нет. Это приказ.

Запомнив формулировку, Ева прижала книги к груди. Отвесила разученный вчера реверанс, предназначенный для приветствия и прощания с принцем: правая рука напротив сердца, левая придерживает несуществующую юбку, голова опущена, приседание почти до пола – в процессе обучения она не раз чуть не падала.

– Что вы, *господин*, – вымолвила она, прежде чем выпрямиться. – Ваше отсутствие лишь придаст мне рвения и сил. И я знаю, что вы будете безмерно беспокоиться о «своём создании» каждую секунду, что проведёте вне этих стен, но если будет возможность задержаться, не беспокойтесь. Без вас я не пережила бы этих нескольких часов – однако поскольку я уже не живу, задерживайтесь смело.

Эльен быстро отвернулся, и плечи призрака подозрительно дрогнули.

Герберт устремил на Еву взор, исполненный почти кристаллизованного внимания, – но лицо девушки было непроницаемо в своей полнейшей, абсолютной покорности судьбе.

– Я учту, – бесстрастно пообещал он. – Но если захочешь снова *прогуляться*, помни одно. Первое предупреждение ты получила вчера. После второго твои перемещения ограничатся несколькими маршрутами, одобренными лично мной. – Отвернувшись, Герберт двинулся к выходу. – Книги оставь на столе, Эльен их тебе принесёт. Идём.

– Куда?

– Принимать ванну. И спать. – Заметив опасливое непонимание в её лице, Герберт скривился. – Не беспокойся: если думаешь, что меня волнуют твои немёртвые прелести, вынужден разочаровать. Даже если б меня интересовала подобная ерунда, твою кандидатуру на эту роль я бы в любом случае не рассматривал.

– Надменные женоподобные нарциссы, знаешь ли, тоже не в моём вкусе, – буркнула Ева. Немного успокоившись, опустила книги на стол, чтобы выйти за некромантом в коридор. – Зачем тогда?

Ванную комнату на её этаже Эльен показал ещё вчера, после урока с Гербертом. Та оказалась куда лучше Евиных ожиданий: просторное помещение с белёнными извёсткой стенами, сносной каменной раковиной и небольшим бассейном, выложенным разноцветной мозаикой. Даже смеситель был, с двумя вентилями, как дома. Умылась Ева с комфортом и помыться тоже думала – но сомневалась, что некромант помешан на чужой чистоте.

– Для нормальной работы твоему мозгу требуется множество веществ, которых теперь ты не получаешь. Я создал раствор, который компенсирует это. Слуги всё приготовили. – Герберт шёл к лестнице вверх не оглядываясь. – По той же причине время от времени тебе требуется сон. Твоё тело его не требует, но мозг без него придёт в негодность. Кроме того, сон помогает закрепить новые навыки. Считай это частью

обучения.

Ева живо представила себе бассейн, полный мерзкой зелёной субстанции с запахом формалина, отчего её слегка передёрнуло.

– Значит, я буду лежать в каком-то растворе? – Поднимаясь по гулким ступенькам, она вела рукой по каменным перилам. – И долго?

– До утра. Ты будешь *спать* в этом растворе. Совместишь два полезных занятия. Если ты забыла, ты теперь не дышишь, так что для тебя это не проблема.

Ева вдруг отчётливо вспомнила о своём плачевном состоянии. Она приняла его, даже шутила о нём, но за уроками магии и мыслями о бунте почти забыла о его истинной плачевности.

Промолчав, она обречённо побрела за Гербертом.

В конце концов, в некромантии он точно разбирается лучше неё. Раз сейчас Ева мыслит и, следовательно, существует (и даже сомневается – всё по Декарту), своё дело он знает. Значит, к этому надо относиться как к лечебным процедурам; а возраст, когда ты бьёшься в истерике у кабинета зубного, слышав визг бормашины, Ева переросла лет двенадцать назад.

Они вошли в ванную, заставив хрустальные свечи по стенам вспыхнуть. Раствор ждал в бассейне, заполненном наполовину. К облегчению Евы – прозрачный, золотистый, подрагивавший, как самая обыкновенная вода. На вид ничуть

не противный. Вдохнув, следов мерзкого характерного запаха девушка тоже не ощутила.

Кажется, всё было не так плохо.

Кажется.

Герберт присел на одно колено рядом с бассейном. Старое, пожелтевшее от времени зеркало на стене подле маленького окошка отразило его движение. Вчера это зеркало подтвердило Еве, что смерть ей даже к лицу: во всяком случае, выглядела она лишь чуточку бледнее обычного.

Одной ладонью коснувшись воды, другой Герберт выплел в воздухе рунную цепочку.

– И как часто мне нужно это делать? – спросила Ева, следя за его движениями.

Некромант не ответил. Не сразу. Его пальцы чертили руны так быстро, что различить знакомые Ева не смогла.

– Раз в два-три дня, – наконец откликнулся Герберт. Когда он выпрямился, золотистая вода мерцала. – Сколько ты протянешь без этого, не знаю. Прежде на людях не экспериментировал... Полагаю, не больше недели. Это оптимистичный прогноз. Раздевайся.

Вода отливала перламутром, искрясь, будто в ней растворили сияющие пылинки. Это было даже красиво.

Залюбовавшись, Ева не сразу услышала последнее слово.

Когда услышала, посмотрела на некроманта: тот стоял подле бассейна, выжидающе скрестив руки на груди.

– Может, выйдешь? Не знаю, как принято в вашем мире,

но у нас девушки не привыкли при посторонних...

– Мне нужно контролировать процесс, – сказал Герберт невозмутимо. – Как я уже говорил, прежде на людях я не экспериментировал. Что-то может пойти не так. Состав может оказаться неверным. Если я допустил ошибку, то должен выявить её как можно раньше.

Он будет следить, как она спит?..

– Тогда, может, я останусь в одежде?

– Нет. Она будет мешать.

В его взгляде не было ни злорадства, ни голода, ни предвкушения. Одно лишь раздражение – от того, что глупая девочка снова проявляет свою глупость.

Это явно не было ни мстью, ни извращённой прихотью.

– Отвернись хотя бы, – попросила Ева. Уже тише. Понимая, что это глупо: даже если она разденется и залезет в ванну не на его глазах, потом ей всё равно предстоит несколько часов пролежать под его наблюдением в прозрачной воде. Но там золотое мерцание хоть чуточку прикроет...

Герберт лишь усмехнулся пренебрежительно.

– Я готовил тебя к ритуалу. Мыл тебя. Исцелял твои раны. Вживлял тебе в грудь энергетический проводник. Ты всерьёз считаешь, что под твоей одеждой скрыто нечто, чего я ещё не видел?

Терпение лопнуло перетянутой струной.

– Ладно. – Резко отвернувшись, Ева направилась к двери. – Тогда выйду я.

– Никуда ты не пойдёшь. Это нерационально. – Дверь, которую она успела рвануть на себя, захлопнулась. Круглая ручка потянула Еву за собой, едва не заставив впечататься носом в дерево. – Я могу отдать приказ, но от рвения скорее его исполнить ты раздерёшь на себе рубашку. В вашем мире, кажется, есть лекари? Относись ко мне как к лекарю... в данный момент. Не знаю, как принято в вашем мире, но у нас девушкам, как и мужчинам, порой приходится раздеваться перед лекарями. Непосредственно от процесса разоблачения вроде никто не умирал. Хотя тебе это в любом случае не грозит, – добавил он.

Ева стояла, почти уткнувшись лбом в запертую дверь. Понимая, что рациональное зерно в его словах есть. Что они насмешливо подражают тому, о чём она думала совсем недавно.

Но то, что он ни на йоту не собирался считаться с её чувствами, вызывало смутное желание призвать смычок и вмазать ему как следует – попутно разнеся всю ванную к чертям.

– Повернись. – Слово подкрепила магия. Ева развернулась на пятках помимо воли. – Чтобы закрыть этот вопрос раз и навсегда. – Глаза, светлые и холодные, как горное небо, бесстрастно встретили её взгляд. – Ты. Меня. Не интересуешь. Не в том плане, в каком тебе, возможно, хотелось бы. Меня не интересуют женщины. И мужчины. И животные. Я равнодушен к этой стороне жизни, потому что считаю постель переоценённым источником удовольствия. Я равноду-

шен к каким-либо отношениям, потому что считаю людей неблагодарным объектом для преданности. Магия – *вот* достойный объект. Моя наука. Моя цель. Никак не ты. Надеюсь, я достаточно доступно объяснил? А теперь – раздевайся.

Ева, не ответив, вновь отвернулась.

Очень, очень медленно присела, чтобы снять кеды.

Если б ей нужно было дышать, её дыхание было тяжёлым. Если б её сердце билось, оно заставило кровь гневно колотиться в висках. Но Ева не дышала, и сердце хранило неподвижность; и только мысли бушевали в голове, сплетаясь контрапунктом, певшим о долгой и мучительной смерти одного венценосного сноба.

Однажды ты мне за это ответишь, сволочь, думала она, с ненавистью стягивая штаны. *Ох ответишь.*

Яростно потоптавшись на нижней части своего облачения, Ева расстегнула пару пуговиц верхней: длинную рубашку она оставила напоследок. Стянув её через голову, швырнула себе под ноги.

Глядя ровно перед собой, чтобы не встретиться глазами с тем, кому в мечтах она сворачивала шею, нырнула в бассейн.

«Перевернись».

Приказ прозвучал в голове, вновь подкреплённый рывком за колдовские ниточки. Можно было бы проверить догадку, родившуюся ночью, о том, как их перерезать, – но теперь Еве как никогда не хотелось пробуждать в некроманте ненужные

подозрения; так что она просто позволила телу перевернуться и всплыть и, злобно жмурясь, ощутила, как чужая ладонь накрыла камень в её груди.

По алому сиянию, пробившемуся сквозь закрытые веки, поняла, как ярко вспыхнул сейчас колдовской рубин.

– Выдохни, чтобы погрузиться.

Это велели уже без магии. Но Ева всё равно послушалась: ей самой хотелось скорее скрыться под водой.

Ладно, Гербеуэрт тир Рейоль, сказала она неслышно, утонув в прохладной вуали водной тишины. *Посмотрим, как ты запоёшь завтра.*

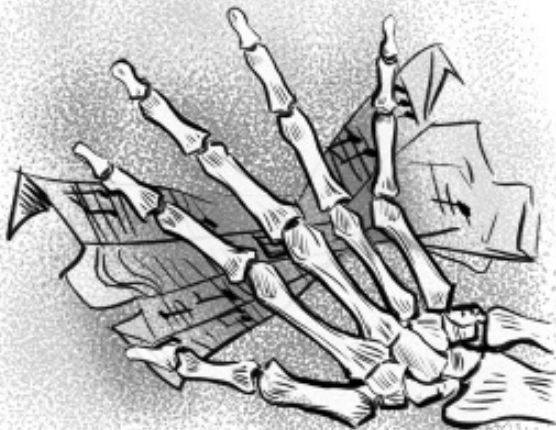
Если, конечно, у неё всё получится...

«А теперь спи».

Заснула она мгновенно. Ей снились Динка, лупящая некроманта тяжеленным томом сонат Бетховена, мама, болтающая с Эльеном на маленькой кухоньке их родной квартиры, и прекрасное спокойное лицо королевы за миг до того, как та пустила стрелу Еве в лоб.

Глава 4

Imperioso⁵



Проснулась Ева от того, что ей (чёрт возьми) это приказали. И, проснувшись, обнаружила, что над ней (чёрт возьми!) нависло самое ненавистное в мире лицо.

– Встань и начерти рунную формулу Элььо, – сказал Гер-

⁵ Властно, настоятельно, повелительно (*муз.*).

берт вместо приветствия.

Ева лежала на полу подле бассейна, закутанная в льняное полотенце. Сквозь маленькое окошко в ванную пробивались солнечные лучи; некромант сидел на коленях рядом – с засученными, но всё равно намокшими рукавами. Сзади маячило кресло, которое Ева привыкла видеть в библиотеке: видимо, оттуда его и призвали, дабы с комфортом скоротать ночь, и посреди ванной оно смотрелось как минимум забавно.

Когда Ева вспомнила, что предшествовало её пробуждению – от того, чтобы вмазать некроманту по носу сжатым кулаком (или пощёчиной по высокой скуле, соблазнительно маячившей рядом), её удержало лишь воспоминание: скоро он уйдёт, и нарываться на заключение под замком в своей комнате никак нельзя.

Поэтому девушка призвала на помощь другое воспоминание – что чарами Элььо именовали усыпляющее заклинание, которое она успешно практиковала вчера.

Одной рукой прижав к груди полотенце (на краешке сознания родилась мысль, что стоит поблагодарить некроманта за него, и тут же ретировалась, встретившись с отголосками вчерашнего гнева), Ева кое-как выплела цепочку символов.

– Ты в порядке. Отлично. – Герберт поднялся с колен; штаны он тоже засучил, оголив смешные худые ноги с узкими щиколотками и ступнями, напоминавшими об утятах. – К слову, я бы успел убить тебя три раза. Надеюсь, к моему возвращению ты поработаешь над скоростью плетения.

– Конечно, *господин*, – процедила Ева, вложив в последнее слово всё презрение, на какое была способна.

Некромант махнул рукой, заставив кресло исчезнуть, и, не попрощавшись, был таков.

Оставшись одна, Ева вытерла мокрые волосы. На полке под зеркалом ждала щётка для волос, на раковине – зубная. К её удивлению, в иномирье имелись и щётки (с резными костяными ручками, очень мягкие, но всё-таки), и зубной порошок в расписной керамической банке, и приличное кусковое мыло, пахнущее лавандой. Хотя должны же керфианцы как-то чистить зубы, да и если Ева не первая гостя с Земли...

Ева старательно тёрла зубы деликатной щетиной, обваленной в мятном порошке.

Она не была уверена, что ей вообще это требовалось. Ещё в первый день в замке она подышала в ладошку, подозрительно принюхиваясь, но не уловила ни намёка на неприятный запах. Логично, учитывая, что она теперь не ела, а стазис препятствовал размножению каких-либо бактерий. Аромат пота ей тоже не грозил, несмотря на отсутствие дезодоранта, Евина одежда благоухала разве что той же цитрусовой отдушкой, какой веяло из шкафа в её спальне (логично, учитывая, что она теперь не потела). Но пренебрегать гигиеной только потому, что та ей не требовалась, Ева не собиралась.

Интересно, сколько девушек согласились бы отдать жизнь за то, чтобы в любых обстоятельствах пахнуть разве что ро-

машкой, которую некромант явно подмешивал в чудо-раствор?..

К моменту, когда Ева облачилась в сваленную на полу одежду и покинула ванную, мысли упорядочились настолько, что сложили план действий. Даже несколько его вариантов – на случай, если один из элементов вдруг не сработает.

Известие Эльена, ждавшего под дверью, вписалось в эти варианты как нельзя лучше.

– Да благословят боги ваш день, лиоретта, – учтиво пропел призрак, улыбаясь даже лучезарнее обычного. – Часть вашего нового гардероба готова. Я распорядился, чтобы его разместили в вашем шкафу взамен того убожества, что занимало его раньше.

– Доброе утро, Эльен. – Ева очень старалась выглядеть безмятежной. – Прекрасно. Поспешу его примерить. Герберт уже ушёл?

– Да. Господин и без того едва не опоздал, но...

– Но ты, полагаю, будешь неподалёку.

– Конечно. Господин велел приглядывать за вами. Только не воспринимайте меня как надзирателя... я просто ваш помощник на случай, если что-то понадобится. Магия господина Уэрта – сторож куда лучше меня. Покидать замок для вас опасно, и поверьте: хозяин печётся о вашем благополучии в той же мере, что и о своих интересах.

Под взглядом лучистых глаз, исполненных бесконечного дружелюбия, Еве сделалось совестливо – от мыслей, что ей

так или иначе придётся его обмануть.

– Лиоретта, прошу вас. – В голосе Эльена прорезались неожиданно проникновенные нотки. – Я понимаю, что господин... что вам с ним нелегко. Увы, судьба и воспитание наложили неизгладимый отпечаток на его личность. Вы были у нас так мало, а я уже вижу в нём... изменения. Даже не помню, когда он в последний раз так охотно завязывал диалог. – *Если наши препирательства можно назвать диалогом*, подумала Ева скептически. – Потерпите немного. Уверен, очень скоро он разглядит в вас то, чем вы являетесь, не просто «своё создание». И тогда... – Эльен отвернулся, как-то потерянно глядя на одну из стрельчатых арок, дробивших длинный коридор, – я надеюсь, что ещё увижу его таким, каким он может быть. Каким был когда-то.

Еве сделалось лишь более совестливо.

Ещё вчера она потратила бы этот день на то, чтобы спокойно покопаться в библиотеке. Поискать необходимую информацию – о стране, куда она угодила, ритуале, которым её подняли, и возможных способах воскрешения. Тихо проверила все свои догадки, всласть поэкспериментировала. Сейчас она собиралась действовать наспех, наобум и с дичайшими рисками.

Но кто знает, представится ли другая возможность для побега.

Может, у венценосного сноба и правда было тяжёлое детство (как водится у злодеев). Может, его ледяное сердце и

правда нужно было растопить любовью и лаской. Однако Ева работать эмоциональным кочегаром категорически отказывалась.

– Конечно, Эльен. Я потерплю, – соврала она, устремляясь навстречу приличной одежде и сборам перед дорогой.

В шкафу обнаружились несколько вариантов облачения, включая платья, но Ева выбрала самый практичный: длинные обтягивающие штаны, замшевые полусапожки, перепо-
ясанная на талии рубашка – такая же, как у некроманта, но с бóльшим количеством рюш. Всё в тёмных тонах. Способность мёрзнуть Ева потеряла вместе с потребностью дышать, но всё равно заприметила бархатную куртку и тёплый шерстяной плащ.

Провела ладонью по карбоновому футляру, грустившему у шкафа.

Наивно было брать с собой Дерозе в прошлый раз. Насовсем сбежать не получится: слишком много препятствий, слишком много «но», слишком сильна зависимость от некроманта. А вот устроить себе небольшую экскурсию, наглядно продемонстрировать кое-что мальчику, который в детстве не наигрался в куклы...

Давно вошедшим в привычку движением вытерев ладони о полы рубашки, Ева села на кровать. Вытащив из-под подушки книгу по музыкальной магии, пролистала её до нужной страницы.

Дома в редкие моменты, когда ей хотелось на кого-нибудь

орать и бить посуду, Ева убежала на улицу. Остыть на свежем воздухе, даже в полночь. Район у них тихий, и домашние к этому привыкли – требовали только, чтобы она брала с собой мобильник. Однокурсники-пианисты, когда занятия не ладились, лупили кулаком по клавишам или избивали фортепиано ногами; Ева скорее отпилила бы себе палец, чем ударила Дерозе, и к музыкальным экзерсисам подходила по-другому, но подобное состояние было ей знакомо. И теперь ей отчаянно хотелось выбраться из этого треклятого замка. *Нужно было выбраться.*

Нервно облизнув губы, Ева призвала смычок.

После ванны и сна она действительно чувствовала себя лучше – насколько это возможно, будучи почти мёртвой и очень, очень злой. В сознании прояснилось, мысли разложились по невидимым полочкам. На свежую голову уверенность в своих действиях исчезла – лишь недосып делает всё возможным, – но попытаться всё равно стоило.

Прикрыв глаза, Ева вскинула левую руку туда, где привыкла ощущать гриф.

Использовать смычок как хлыст?.. Ха. Хорошо, что фантазии некроманта хватало только на это. Но Ева, как и автор книги, строчки которой теперь служили ей инструкцией, как-никак была музыкантом и прекрасно понимала, что *действительно* должен делать смычок.

Где-то часом позже девушка выглянула в коридор, огласив его робким, просящим «Эльен!».

Спустя пять минут она уже спускалась к массивным дверям во двор: с сумкой через плечо, в плаще с капюшоном, прятавшим лицо и волосы. Притормозила, когда ноги отказались переступить порог – в голове эхом зазвенело *«не вздумай покинуть замок, пока меня нет»*.

Ещё чуть позже Ева подходила к воротам, которые так и не преодолела позавчера. На мотив битловских *«Here comes the sun»* напевая *«Я Мэри Сью»*, с трудом подняла тяжёлый засов.

Надо же. Получилось. Остаётся надеяться, что Эльен не очнётся в самый неподходящий момент... и действительно сделает всё, что ему велели.

Кое-как приоткрыв обитую медью дверь, Ева поборолась с собственными ногами, порывавшимися бегом рвануть обратно в замок. Когда твердямая в уме мантра отбила у них это желание, ступила на мост: тот каменной лентой бежал между шепчущей рекой и глубоким холодным небом. Мох, зеленивший древний парапет, переползал на ровную мелкую брусчатку, что на том берегу обращалась дорогой через неприветливый лес.

Тщательно прикрыв врезанную в ворота дверь, Ева двинулась вперёд, прочь от замка, вздымавшего ввысь треугольные крыши пристроек и башен. День улыбался солнечной синью и барашками облаков; настроение не портили даже мысли, что она поступила с милым призраком почти так же, как Герберт – с ней.

Венценосного сноба нужно проучить. Монстр Франкенштейна не заслуживал от создателя того отношения, что в итоге получил. Она – тем более, и некромант ей не создатель. Так что Герберту предстоит усвоить один простой урок: всякое действие рождает противодействие.

Ну, может, ещё один: у неё, в отличие от скелетов, есть и чувства, и мозги.

Поправив ремень сумки, Ева двинулась к лесу, качавшему голые ветви на промозглом ветру.

Интересно, и чем некромант сейчас занят?..

– Мы выступим на Риджию, – поднеся к губам чашку из фарфора тонкого, как лепесток лилии, произнесла королева. – Сразу после дня Жнеца Милосердного.

Присутствующие воззрились на неё. Все, кроме Гербеуэрта. Наследник престола бесстрастно смотрел перед собой, сложив руки на коленях. К фейру он не притрагивался.

Кроме них с королевой, за столом присутствовали двое. Её Величество Айрес Первая любила пить фейр в узком семейном кругу – несмотря на то, что ей было прекрасно известно, какие чувства питают друг к другу представители королевской семьи. *Особенно* потому, что ей было известно, какие чувства питают друг к другу представители королевской семьи.

– Айри, – сказал лиэр Кейлус, кузен и ровесник королевы, – не хочу подвергать сомнению твой блестящий ум, но

ты уверена в успехе этой затеи?

– Это безумие, – сказал лиэр Ми#ракл, кузен и ровесник Гербеуэрта. – Риджия – тролль с бочкой пороха, которого лучше не трогать. Сейчас, когда эльфы и люди примирились с дроу, тем более.

Лазурный напиток поднимал над чашками травянистый дымок. Гостиная обволакивала изысканной роскошью алого шёлка, позолоты, изящных завитков на розовом дереве. Пахло пряностями, духами и ненавистью.

Чуть улыбнувшись, королева коснулась фарфора узкими, искусно подкрашенными губами.

Из присутствующих только наследник престола не носил королевскую фамилию Тибель, и с фамилией отца Гербеуэрту досталась златовласая порода Рейолей. Кейлус Тибель щеголял локонами цвета тёмного дуба. Чистый лик Миракла Тибеля обрамляли каштановые кудри; он взирал на мир ореховым взором, за смехом прятавшим несвойственную юности цепкость. Очи темновласой королевы были даже не карими – бурыми: такими становятся иногда засушенные цветы.

Лишь Гербеуэрт унаследовал от матери, урождённой Тибель, тонкую кость и черты лица, но не окрас.

– Когда эльфы и люди примирились с дроу, – повторила королева; казалось, она пробует каждое слово на вкус, как только что пробовала фейр. – Мирк, дорогой, в том-то и дело. – Располагаяще улыбнувшись племяннику, она вновь

поднесла чашку к губам. – Риджия была и будет для Керфи угрозой. Она пыталась завоевать нас до того, как мы стали частью Империи. Она пыталась завоевать нас после того, как благодаря нам Империя развалилась. Пока длилась война с дроу, Риджии было не до внешних сражений, но теперь, когда её народы наконец заключили мир... – Айрес качнула головой. – Можно было бы надеяться, что они не решат взяться за старое и тронуть нас. Но я полагаю, что в действительности это лишь вопрос времени – когда их воины снова пересекут горы и вторгнутся в Керфи.

Миракл дёрнул уголком губ. В жесте этом отчётливо читалось: в правдивости данного предлога Её Величество может убеждать кого угодно, кроме него.

– С дроу воевать непросто. С эльфами, впрочем, тоже, – задумчиво заметил лиэр Кейлус. – Особенно на их территории... Пусть и весьма заманчивой, наверное. Не могу судить наверняка – не король.

Кейлус Тибель всегда говорил так, словно в словах его крылась одному ему понятная шутка. Он часто улыбался, но это не делало его красивый лик ни привлекательным, ни дружелюбным. В этом году лиэр Кейлус отпраздновал срок третий день рождения, однако маги старятся медленнее обычных людей: если бы не цвет волос, его можно было бы принять за старшего брата Гербеуэрта. Они были очень похожи – и оба худы той благородной аристократической худобой, когда впалые щёки придают лицу загадочную усталость,

а не вульгарную измождённость бедняка.

– Сейчас Риджия слаба, как никогда за последний век, – сказала королева. – На престолах трёх её королевств сидят дети. Эльфами правит наивный мальчишка, людьми – взбалмошная девчонка, Повелитель дроу тоже юн. Многие среди эльфов и людей далеко не в восторге от мира с дроу. Пускай они примирились, на деле между ними – пропасть. Память о трёхсотлетней вражде, которую не сотрёшь просто так.

– Но они объединятся против внешнего врага, – возразил Миракл.

– Я слышал, на стороне дроу некая дева из иномирья, получившая невероятной силы магический дар, и наследник легендарного Ильхта Злобного. И оба они умны как вороны, хладнокровны как змеи и коварны как драконы, – заметил Кейлус. Глаза под тёмными ресницами блеснули: карие радужки отливали старой бронзой. – Они нащёптывают советы на ушко Повелителю дроу. А тот напевает их правителю эльфов, любящему его как брата, и правительнице людей, уединяясь с ней для приятных бесед, что ведут от заката до рассвета.

– Превосходно осведомлён, – любезно откликнулась королева, когда её брат потянулся двузубой вилкой к блюду с фруктами. – До меня тоже дошли слухи об этом.

– Когда риджийские правители соизволят прибыть в Керфи для знакомства и переговоров с тобой, мы сможем убедиться в их правдивости.

– Или в их лживости. – Королева сделала ещё глоток. Крылья её точёного носа чуть дрогнули. – Народы Риджии не смогут выступить по-настоящему единым фронтом. Армия, в сердце которой кроется червоточина недоверия и раздора, не сумеет дать достойный отпор. Особенно если армия противника уверена, что боги на её стороне.

Усмехнувшись, Миракл провёл пальцем по краю своей чашки:

– Представить завоевательный поход актом защиты, не нападения? Люди в это не поверят.

– Во всяком случае, далеко не все. И чтобы сплотить наш народ, этого недостаточно. – Макнув крупную жёлтую ягоду в сладкий соус, белевший в хрустальной розетке, Кейлус поглядел на сестру с сочувствием. – Осмелюсь напомнить, Айри, что в народе зреет недовольство твоими... методами. Арест той бедной художницы был определённо лишним. Да ещё эти разговоры... О том, что настал год двух лун, о пришествии некоей девы, что свергнет тебя... Ох уж эта презренная чернь: кто бы ни выдал ей содержание семьсот тридцатого пророчества Лоурэн, он достоин долгой и мучительной смерти. Так подрывать власть нашей возлюбленной королевы!

Гербеуэрт бесстрастно взялся за чашку с фейром. Миракл украдкой поднял глаза, следя за лицом Айрес.

Её Величество одарила брата благосклонной улыбкой.

– Боги на нашей стороне. С нашей семьёй. После дня

Жнеца Милосердного у народа не останется в этом сомнений. – Она выдержала короткую паузу, накалившую тишину в комнате тщательно подогретым любопытством. – Уэрт намерен повторить величайшее деяние Берндетта.

Двое мужчин единодушно уставились на наследника престола, чопорно и отстранённо распивавшего фейр.

Казалось, разговор ему абсолютно не интересен. И никак его не касается.

– Уэрт, скажи, что это шутка, – вымолвил Миракл Тибель.

– Он не сможет, – вымолвил Кейлус Тибель.

– Уэрт уверен в обратном. А я уверена в нём, – сказала Айрес тирин Тибель. – После этого каждый в Керфи склонится перед ним. Пойдёт за ним. И перед силой того, кто способен свершить такое, падут ниц все наши враги.

Гербеуэрт тир Рейоль молчал, не глядя ни на кого.

В тишине, свинцом повисшей в комнате, королева обвела взглядом собеседников.

– К слову, нам как раз пора приступать к уроку, – добавила Её Величество – так небрежно, будто и правда вспомнила об этом только что и всё предыдущее не было продуманной прелюдией к эффектному окончанию беседы. – Ритуал, как вы понимаете, требует сотен часов подготовки, отработки каждой мелочи... Заканчивайте без нас. – Она поднялась из-за стола одновременно с тем, как согласно этикету со своих мест поднялись остальные. – Уэрт, ты готов? Как я вижу, сласти всё равно тебе не по вкусу.

Когда тот безмолвно подчинился, ладонь Миракла дрогнула: младший из трёх Тибелей словно хотел поймать кузена за рукав, удержать, остановить, но в последний момент сдержал порыв.

Как бы там ни было, скоро он остался в гостиной наедине с дядей, – который, впрочем, тоже не задержался там надолго.

В экипаже, готовом везти Кейлуса Тибеля из королевского дворца в загородную резиденцию, его уже ждали.

– Вижу, сегодня прошло ещё хуже обычного, – констатировал его секретарь, когда скелеты-лакеи захлопнули золочёную дверцу, а копыта запряжённой вороной двойки застучали по брусчатке.

Тим не церемонился со своим господином – во всяком случае, не на людях, – и Кейлус всецело это одобрял. Кузен Её Величества ненавидел свою семью и в общей массе презирал народ, но к верным слугам относился с уважением. К тому же для разнообразия ему требовалось хоть одно живое существо, к которому он испытывал бы искреннюю привязанность, и он обрёл таковое в лице мальчишки, задолжавшего ему нечто большее, чем жизнь. Двадцатилетний Тим был предан Кейлусу, как умертвие, прекрасен, как статуи богов, и связан с ним слишком тесными отношениями, чтобы церемониться.

Кейлус молчал, глядя в окно: на костяные башенки дворца, сиявшие под бледным зимним солнцем, на фонтан, бив-

ший среди огромной площади, на вездесущих людей и дома вокруг, украшенные куполами и лепниной, как торты украшают кремом.

Уголок его губ дёрнулся, точно в тике, — за миг до того, как холёные пальцы, сжатые в кулак, в бешенстве стукнули по бархатной обивке кареты.

— Сука, — выплюнул Кейлус. — Она же знает, чем я должен ответить на это известие!

— Какое известие?

Выждав с минуту, чтобы дыхание выровнялось, а в голос вернулось спокойствие, Кейлус рассказал.

Тим слушал молча. Лишь лицо его по мере рассказа немножко бледнело.

— И на что она рассчитывает? — закончил Кейлус почти страдальческим вопросом. — Обретя такую силу, обретя такую власть над умами и сердцами керфианцев, свергнуть её для мальчишки будет проще простого. Так любит его? Так верит в его любовь? Дура! — Холодное бешенство на сестрицу вынудило его вновь ударить ни в чём не повинную дверь. — Она смеялась надо мной, Тим. Я видел этот смех в её глазах. Она хочет, чтобы я потерял голову, чтобы пошёл на всё, дабы прикончить её любимого Уэрти. Чтобы наконец дал повод себя уничтожить. Но неужели мальчишка и правда сможет... сколько сильнейших некромантов погибло, пытаюсь... и всё же, если ему удастся...

Тим не произнёс ни слова, и, осознав, что речь его скаты-

вается в бессвязное бормотание, Кейлус осёкся.

– Что с девчонкой? – сухо, деловито спросил он пару мгновений спустя.

– Её ищут, – тут же откликнулся секретарь. – По всей стране. Пока никаких следов.

– Они появятся. – Кейлус помолчал. – Если, конечно, она ещё жива.

Он посмотрел на столицу, готовую к приходу зимы, ждущую снега и настоящих холодов.

...нет, она должна быть жива. Что напророчено Лоурэн, невозможно предотвратить. И она нужна ему: девушка, явления которой ждут многие. Способная одолеть ненавистную кузину.

Девушка, наречённый которой станет королём...

– Часы тикают, Тим. Если её не найдём мы, найдёт Айри. И если малыш Уэрти не отдаст душу богам до или во время ритуала, после Жнеца Милосердного всё станет куда сложнее. – Заставив себя расслабиться, Кейлус Тибель откинулся на мягкую спинку сиденья. – Доставь мне девчонку. Скорее. Живой. – На губы его вернулась улыбка, яд которой прикончил бы любую змею. – Сделать её мёртвой я предпочту сам.

Глава 5

Ritornello⁶



Дорога через лес заняла немало времени, но миновала без особых приключений. Разве что на полпути Ева засмотрелась по сторонам, споткнулась о булыжник на мощёной лесной тропе и упала, ободрав ладони – с довольно интересны-

⁶ Букв. «возвращение». 1) Небольшой инструментальный отрывок, повторяющийся в начале и конце каждой строфы вокального произведения; 2) небольшое музыкальное вступление перед началом танца (муз.).

ми последствиями.

В конце концов она вышла к городу.

С места, где расступился лес, дорога круто спускалась к домам в предместье, белевшим среди выцветших полей. Торопиться туда Ева не стала: сперва осмотрелась с холма, тщетно гревшегося под лучами холодного солнца.

Город не окружали рвы или крепостные стены – их роль выполняла река; он раскинулся на огромном острове, со всех сторон огороженный узкой полоской пронзительно-синих вод. С суши к нему тянулись три моста: один – со стороны, откуда подходила Ева, два – с противоположной. Если лесная дорога пустовала, то предместье было вполне оживлённым местом, как и дороги на том берегу, вившиеся через поля серыми лентами. Оно и верно: судя по всему, за лесом ждал только замок, и если Герберт вёл исключительно уединённый образ жизни...

Мысленно перекрестившись, Ева двинулась вниз.

Когда ей попались первые прохожие, девушка была уже достаточно далеко от окраины, чтобы жители предместья не обратили внимания на одинокую фигурку, бредущую от обители владыки их земель. Так что Ева беспрепятственно двинулась вперёд по чистым брусчатым улочкам, мимо невысоких домов с треугольными черепичными крышами: в толпе затеряться проще, а в самом городе всяко должно бытьлюднее, чем здесь.

Людно оказалось уже на широком каменном мосту с фи-

гурным парапетом. Пешеходы торопились в город и из него, крытые повозки везли всякую снедь. Потом Ева долго бродила по улицам, неуловимо напомнившим Бремен, где ей довелось однажды побывать; чтобы не заблудиться, шла преимущественно вперёд, запоминая каждый поворот, если упиралась в тупик.

Дома строили без зазоров, и одно жилище лепилось к другому. Улицы с узкими домишками, словно втиснутыми в щели между соседними – два этажа да высокая мансардная крыша, соседствовали с площадями, окружёнными величественными зданиями в пять-шесть этажей. Жизнерадостно-рыжая черепица, жизнерадостно-рыжий кирпич, тут и там скрытый под жёлтой или красной извёсткой. Много цветов, сейчас увядших, но радовавших глаз летом. Ажурные кованные фонари на ножках, деревянные таблички над обычными для города заведениями: булочная, кондитерская, ателье, зеленщик, ювелирка, книжная лавка. По дорогам, которые обрамляли цивильные каменные тротуары, грохотали кареты, похожие на кэбы времён Шерлока Холмса.

И шло очень много людей, которые отнюдь не выглядели несчастными или затравленными.

Керфи – во всяком случае, крупные его города – явно перерос период дремучего средневековья и нежился в эпохе, аналогичной викторианской Англии. Учитывая некоторые нюансы, даже более просвещённой. Мужские наряды не слишком отличались от женских – представительницы пре-

красного пола преспокойно расхаживали в штанах, сюртуках и стильных пальто с меховой опушкой. Судя по всему, на каждом шагу некроманты здесь не встречались, но и никого не удивляли: один раз навстречу Еве прошла дама в шубке, торжественно плывшая впереди пары скелетов в платьях – они волокли хозяйкины коробки и картонные пакеты. Никто от них не шарахался, разве что с любопытством глядели вслед.

Естественно, бродила Ева не просто так. Она смотрела. И слушала. И запоминала. Поразительно, сколько полезного можно вынести, если наблюдать за людьми, а не просто проходить мимо. Она старалась смотреть и слушать незаметно – и ни в коем случае не показывать, что она впервые здесь. Она не позволяла себе ни восторженно вертеться по сторонам, ни сверлить кого-то глазами. Неторопливым, но неотступным призраком Ева проводила пару весело болтающих девушек чуть младше неё, которые возвращались домой из школы; притормозила у прозрачной витрины кондитерской, чтобы послушать мужчин у входа; подметила людей в чёрных мундирах, то и дело встречавшихся на углу или патрулировавших улицы, с мечами на поясах или арбалетами в руках; провожала встречных косыми взглядами из-под капюшона...

К моменту, когда Ева решилась заговорить с милой женщиной с мелкой собачкой на поводке, она узнала много интересного, поняла, как нужно себя держать, и придумала

вполне сносную легенду на случай расспросов. Поэтому милая женщина любезно подсказала ей, как пройти к ломбарду (Ева и сама обнаружила его улицей раньше, но перед беседой с продавцом решила поупражняться). А пронырливый старичок в ломбарде без проблем купил у неё серебряный подсвечник – и остался очень доволен тем, что наивная юная покупательница не стала торговаться. А в булочной, куда Ева заглянула для эксперимента, ей спокойно продали пирожок с мясом. К счастью, на местных монетах чеканили не только профиль красивого женского лица, которое Еве не посчастливилось увидеть по прибытии, но и номинал.

Всё же магический переводчик – великая вещь, подумала Ева, скармливая ненужный пирожок лохматому бродячему псу: пёс увязался за ней в подворотне, куда вели указания добродушной дамы, подсказавшей дорогу к следующему пункту назначения. И даже один урок местного мироустройства, который ты действительно слушаешь. И манеры, привитые обитанием с ранних лет среди культурных, интеллигентных людей.

Ну, по крайней мере, часть из них точно интеллигенты.

Отряхнув руки, Ева оглянулась на ажурную каменную башенку, что украшала дом на оставшейся позади улице. Там сиял часовой циферблат – с десятью делениями вместо двенадцати, подтягивавший единственную стрелку к седьмому из них.

Времени ещё достаточно.

Устремившись к финальной цели своей вылазки, Ева наконец завидела вывеску «Книжное колдовство» и поднялась на крыльцо, чтобы толкнуть звякнувшую колокольчиком дверь.

Внутри небольшой лавки, как и ожидалось, оказались книги. Не так много, как в замке, но вполне приличное количество, пылившееся на деревянных стеллажах. Ева не удержалась от того, чтобы осторожно вдохнуть, ощутив хорошо знакомый запах – сродни тому, что царил в нотной библиотеке родного колледжа.

– Доброго дня, лиоретта, – поприветствовал её молодой человек за прилавком: кудрявый, со смешной рыжей щетиной на щеках и синяками под добрыми глазами, живо напомнившими о пандах.

Проницательный абориген при длительном общении расколол бы её вмиг. И если б за прилавком её поджидал кто-то, хоть отдалённо похожий на проницательного человека, Ева бы напоказ покрутила носиком и, изобразив разочарование, ушла.

Поскольку этот милый продавец не особо такового напоминал, она решила рискнуть.

– Доброго дня, лиэр, – пропела Ева, учтиво кивнув в знак приветствия. Приподняв капюшон, явила взору молодого человека подкупающе голубоглазое личико. – У вас есть книги по некромантии? Желательно попроще. – Она старательно приняла смущённый вид. – Я не некромант, мне...

для общего сведения.

Мотивы её были просты. Если её и можно воскресить, на месте Герберта она бы припрятала всю информацию об этом. Или оставила на полках лишь те книги, из которых пленница усвоит: связь с некромантом разрушить невозможно, остаётся покориться. В таком случае Ева может хоть месяц просидеть в библиотеке, но не найти ничего полезного.

Зато информации, полученной из независимого источника, вполне можно доверять.

– Стихийный маг? – понимающе спросил продавец, облачённый в нечто подозрительно похожее на синюю мантию. – Через год-другой поступление?

Только бы этот милый парень не решил поболтать с ней о своём, о магическом. Впрочем, в ненавязчивом уводе от темы Еве не было равных...⁷ однако сейчас не обязательно было прибегать к тонкому искусству болтологии.

В конце концов, она покупатель и явилась сюда за товаром, а не за разговорами.

– Да, – кратко откликнулась Ева. – И знаете, мне бы ещё... – следующий вопрос был рискованным, но отступить сейчас

⁷ Очень полезный навык для экзаменов. Например, когда тебе выпадает билет «Французская литература XVIII века», в которой ты безнадежно плаваешь, но, уцепившись за Бомарше, незаметно переводишь разговор на Моцарта – и вот уже преподаватель восторженно слушает твои поэтичные излияния на тему гениальности «Свадьбы Фигаро» и мелодики великого австрийского композитора, впитавшей в себя эмоциональность и экспрессию немецких народных песен и изысканную певучесть итальянской кантилены...

казалось глупым, – что-нибудь о воскрешении. Настоящем. Не поднятии мёртвых.

В глубине души она надеялась, что молодой человек как ни в чём не бывало ответит: *«Да, конечно, есть у нас пара книг, сейчас принесу»*. Или хотя бы: *«К сожалению, у нас такого нет, поищите в лавке через две улицы отсюда»*. Хоть и понимала, что это слишком радужные ожидания.

Когда тёмные глаза продавца изумлённо расширились, это было ожидаемо, – но Еве всё равно сделалось тоскливо.

– Воскрешение? – Парень озадаченно почесал щетинистый подбородок. – Лиоретта, вы шутите? С таким запросом разве что в королевскую библиотеку, никак не ко мне. Хотя сомневаюсь, что даже Её Величество вам в этом поможет.

К счастью, Ева предусмотрела подобный расклад.

– Вот и я то же самое Кейлу говорила! – подбавив в голос торжествующей беззаботности, воскликнула Ева. Выдумывать имя она не рискнула: предпочла сократить одно из местных, что точно знала. – Видите ли, один мой знакомый... он даже не маг, совершенно в этом не разбирается... вбил себе в голову, что некроманты открыли способ настоящего воскрешения. Просто молчат об этом. Обожает теории заговора, глупый. – Она шумно вздохнула, надеясь, что вышло не слишком театрально. – Хочу, чтобы он выбросил эту идею из головы. Раз не верит мне и другим умным людям, надеюсь, поверит хотя бы умным книгам.

Молодой человек усмехнулся с оттенком снисходительно-

го презрения:

– Некроманты? Тайн они вокруг себя нагнетают, это верно. Но они даже разумные умертвия сотворить уже который век не могут, как вы могли заметить... Что говорить об истинном воскрешении. Я бы, скорее, поставил на то, что воскрешать однажды смогут целители. Стихийные маги. Такие, как мы с вами. – По интимно-свойской интонации Ева поняла, что приподнимание капюшона возымело действие. – Но увы, пока это во власти одного лишь Жнеца. – Парень задумчиво потёр щёку: широкий рукав мантии сбился, демонстрируя курчавую рыжую поросль на руках. – Кажется, есть у меня вещь, которая убедит вашего приятеля. «Смертные Рассуждения» Гедемииона. Если он её ещё не читал, это то, что нужно. Вы ведь слышали о Гедемиионе?

– Сама не читала, – уклончиво ответила Ева, пытаясь не выказывать, что ею всё больше овладевает тоска. – Мне рассказывали, но помню смутно.

– Он десять лет потратил на попытки вернуть свою жену, – охотно пояснил парень, вылезая из-за прилавка, чтобы подойти к одному из стеллажей. – Вернуть ей память. Превратить из безмозглого умертвия в разумное создание. В итоге он превратил её в монстра, и слуги обнаружили её закусывающей внутренностями супруга. – Достав с полки тоненькую книжечку в синем тканевом переплёте, продавец протянул её Еве. – «Рассуждения» – записи, которые Гедемиион вёл на протяжении всех этих лет. Новое издание, в предисловии пе-

рассказана его поучительная история... Думаю, вашего приятеля это убедит.

– Ах, *эта* история, – сказала она, открывая титульный лист. – Конечно. Вспомнила.

– Такое трудно забыть. Если будете брать, с вас тридцать вуленов.

Думая о следующем вопросе, Ева посмотрела на год издания. Он красовался примерно там, где и у многих земных книг, и гласил: «872».

Знать бы ещё, какой год сейчас – не считая того, что его обозвали «годом двух лун». Хотя если с тех пор успели напечатать книгу, да ещё переиздать...

– Это точно убедит Кейла? А если он возразит, что с тех пор некромантия могла продвинуться вперёд? Всё же со смерти Гедемииона прошло... некоторое время.

– Пять лет – не срок. Уж кое-что в некромантии я смыслю, – проговорил парень проникновенно, – и в одном она схожа с нашей специализацией. А именно – развивается весьма неторопливо. Если б кто-то действительно сделал настолько фундаментальное... не побоюсь этого слова... открытие, мы с вами точно бы об этом знали. К тому же для такого нужно обладать силой большей, чем у Берндетта, а даже равных ему не рождалось со дня его гибели. Не считая тир Гербеуэрта, – добавил продавец почтительно. – Но он ещё юн, в полную силу войдёт, дай боги, лет через двадцать.

– Гербеуэрта тир Рейоля? – безнадёжно уточнила Ева.

– Кого ж ещё.

Грустно отложив книгу на прилавок, девушка полезла в сумку за монетами.

Нет, это не означало полного отказа от побега и потери всех надежд на воскрешение. В конце концов, этот парень явно не знал о силах Герберта – значит, мог не знать и других вещей. Ясно одно: такие, как Ева, в этом мире случай беспрецедентный.

И это наводило на неутешительные мысли, что ей действительно может понадобиться королева с её библиотекой.

Выискивая среди монет три серебряных кругляшка с подписью «10 вуленов», Ева размышляла над тем, что бы ещё выпытать у словоохотливого аборигена. Из разговоров местных стало ясно, что с девяти в стране наступал комендантский час, но часы на башенке намекали, что до этого было ещё далеко. Так что параллельно с монетами Ева перебирала назревшие вопросы, выбирая наиболее актуальные, как вдруг её самым бесцеремонным образом схватили за плечи.

– Ты... – парень почти хрипел, – ты что, умертвие?!

Монеты, выпав из пальцев, звонко запрыгали по полу.

Когда Ева подняла взгляд, продавец с растерянной пылкостью всматривался в её лицо.

– Твоя аура, – ладони на её плечах стиснули сильнее, – я не вижу твоего роборэ! Но умертвия не могут быть такими... такими...

Она среагировала не думая. Просто подняла руки, соби-

раясь оттолкнуть его.

Смычок, сам возникший в пальцах, лучше хозяйки понял, что нужно делать.

Слабый толчок отшвырнул парня к стене. Ударившись головой о стеллаж, он безвольно сполз на пол; выпавшие с полок книги щедро присыпали его сверху.

Ева уставилась на смычок, безобидно искрившийся в ладони. На продавца, потерявшего сознание – если не хуже.

Аура. Чёрт. Так здешние колдуны могут видеть ауру? И по ауре определить, что она...

– Дубль диез! – досадливо выругалась Ева⁸, метнувшись к двери.

Опустив плотную тканевую шторку на окне, она задвинула засов. Опасливо вернувшись к продавцу, опустилась на колени рядом. Тот дышал – и вместе с облегчением это принесло озабоченность, потому что теперь милый молодой че-

⁸ Привычка заменять непечатные слова «профессиональным сленгом» появилась у Евы на втором курсе колледжа, когда она прочла книгу, где некие волшебники по магическим причинам вынуждены были заменять ругательства на «сахар». Надо сказать, у однокурсников её привычка вызывала умиление или понимающий хохот. Вопреки распространённому мнению музыканты – не распущенная богема и не нежные фиалки, а люди, которым ничто человеческое не чуждо, включая крепкие словечки. Но поскольку Ева была воспитанной девочкой, а нецензурно выразиться иногда хотелось, она придумала изящный выход из ситуации, благо музыкальные термины к тому располагали. Судите сами: разве «двойной доминанты терцквартаккорд с повышенной примой и пониженной квинтой» для непосвящённого человека не прозвучит как очень изощрённое ругательство, особенно если адресовать это дело собеседнику туда, где солнце не светит?

ловек превратился в ненужного свидетеля.

Умница, Ева. Выбралась на прогулку за информацией. А ведь про ауру наверняка можно было прочесть в книгах из замка... Повезло ещё, что этот парень не вырубил её сразу – и что её не заметили милые люди в чёрном, патрулирующие улицы.

На миг внутри всколыхнулось жгучее желание убежать сломя голову. Потом Ева вспомнила, какие форсмажоры случались на концертах и зачётах. На сцене, когда волнение холодит руки и растекается в крови, может произойти что угодно – и она всегда выходила из этого с честью: даже если ты забыл текст, даже если заporол пассаж, главное – не останавливаться, а доковылять до момента, с которого твои пальцы и мысли вновь обретут уверенность.

Ладно, подумала Ева, скидывая руку со смычком и второй раз за утро вспоминая нужные строчки из «Трактата о музыкальных чарах». Я импульсивная дура. Я наладжала. По-крупному.

Но сейчас важнее всё исправить, чем сокрушаться по этому поводу.

Ева закрыла глаза.

«Услышать песнь повелевающую в ушах своих и исполнить, будто не воздух под ладонью, а живые струны...» Цитата, возможно, неточная, но допустим. Представить гриф, ощутить под пальцами... вот забавно, наверное, она со стороны смотрится – пытается играть на невидимой виолонче-

ли... нет, сейчас не об этом. Сосредоточиться на том, что делаешь, на музыке, поющей в голове, готовой запеть...

Первые звуки, раздавшиеся в тишине, рождённые из ниоткуда, были неуверенными, как у плохой школьницы. Робкими, дрожащими. Но даже когда они осмелели, было в них нечто странное. Они больше походили на звучание синтезатора, имитирующего виолончель, чем на настоящую виолончель, и для Евиных ушей всё равно звучали слаще трелей райских птиц.

Для ушей тех, кто их слышал, тоже.

Когда Ева, доведя музыкальное предложение до конца, решила посмотреть на жертву смычка, та по-прежнему пребывала в блаженном забытии.

«...затем отдать приказ, какой пожелаешь...»

– Когда я досчитаю до трёх, ты проснёшься, – робко велела она. – Раз... два... три.

Никакой реакции не последовало. Может, из-за обморока?.. С Эльеном ведь фокус сработал блестяще. Пусть Ева сперва сомневалась, выйдет ли у неё – раз и получится ли повернуть такое с призраком – два.

«Эльен, – заискивающе произнесла она, когда дворецкий откликнулся на зов и вошёл в комнату, – знаете, я потихоньку читаю «Музыкальные чары». Хочу освоить исцеление, удивить Герберта однажды... доказать ему, что мой смычок не бесполезный. Можете... побыть тут? Пока рядом никого нет, у меня вроде получается играть без инстру-

мента, но я боюсь, что в присутствии посторонних сразу перестанет получаться, а если потом мне предстоит показывать это Герберту...»

Тот, не заподозрив подвоха, согласился – и одобрительно следил, как смычок скользит по воздуху, извлекая звуки из невидимых струн. Наверное, милый призрак просто не мог предположить, что гостья солжёт – и будет практиковать при нём вовсе не трюк с исцелением. А, может, не верил, что любые трюки могут получиться у неё так быстро. Ева тоже ничего не теряла: если б её силёнок не хватило, чтобы довести дело до конца, для Эльена это так и осталось бы относительно удачной тренировкой.

Но она смогла. Пусть и не с первого раза.

Даже обычная музыка заставляет улыбаться и плакать, даже обычный смычок способен унести в грёзы или погрузить в тоску; естественно, волшебный просто обязан делать нечто похожее – и большее. И когда Эльен говорил про «подчинить» и «внушить свою волю», он не лгал.

Глядя на спящего продавца, Ева извлекла из пустоты первое соль «Пробуждения» Форе. Звуки разлились в воздухе мелодией: печальной, щемящей, зовущей за собой.

Всё получится, она не напортачит, она всё сможет, она...

– Когда я досчитаю до трёх, ты проснёшься, – велела Ева, прежде чем угас последний звук: уже не робко – властно, не терпя возражений, не рассматривая возможность неудачи. – Раз, два, три!

Встретила оловянный взгляд продавца, глядящего на неё снизу вверх.

«...и если память чужую желаешь заморочить или делать заставить то, что ты хочешь...»

– Ты слышишь меня? – требовательно спросила Ева, опустив смычок. – Отвечай!

– Да, – не моргая, глухо откликнулся тот.

– Ты не вспомнишь обо мне. Ты забудешь всё, что случилось с момента, как я открыла дверь твоей лавки, и до того, как ты проснёшься. Ты не будешь тревожиться о провале в памяти и никому о нём не расскажешь. А теперь на счёт «три» ты закроешь глаза и уснёшь. Раз, два...

Продавец послушно смежил веки.

Совестливо коснувшись его плеча, Ева принялась убирать с него книжки: благо на полках те были расставлены по алфавиту.

А теперь быстро в замок, мрачно подумала она, избавившись от некупленных «Размышлений» и оттачив жертву музыкального произвола за прилавок. На первый взгляд с затылком парнишки всё было в порядке, разве что небольшая ссадина осталась. И удостовериться, что тот же трюк действительно сработал с Эльеном.

Потыкавшись в кнопки и рычажки, Ева открыла старинный кассовый аппарат. Подмешала туда бóльшую часть оставшихся денег (на лечение, которое молодому человеку наверняка понадобится). Тщательно смешала монеты с

остальными — мало ли что.

Напоследок ещё раз оглядев лавку, открыла шторку на окне, выглянула в пустой переулок и, отперев запор, выскользнула наружу.

Если фокус сработает, парень решит, что просто потерял сознание. Упал на пол, ударился головой. Раз ничего не произошло, тревожиться ему не с чего. Конечно, загадочный обморок и лишние деньги в кассе — тоже повод для тревоги, но последнему он должен только порадоваться. Правда, если маги вдруг умеют не просто видеть ауру, но и отслеживать её следы... Она ведь здорово наследила в этой проклятой лавчонке: и присутствием, и монетами, и тем, что касалась книг... Почти выйдя на людную улицу, Ева помедлила. Присев рядом со знакомым псом, приветливо махавшим хвостом, потрепала его по холке, собираясь с мыслями.

Как теперь возвращаться? Зная, что любой встречный маг может тебя разоблачить? По пути сюда ей повезло, но вдруг сейчас не повезёт? Разве что пробираться окольными путями, где поменьше народу, но она совсем не знает город, и может заблудиться, и...

Сзади послышался шорох.

Обернувшись, даже с такого расстояния Ева легко узнала Герберта, застывшего на другом конце переулочка, — и поняла, что впервые за всё время знакомства рада его видеть.

— А, вот и... — начала она.

Вскинув руку, некромант резко сжал кулак.

Мир утонул во тьме.

Очнулась Ева на алтаре посреди библиотеки. С чувством лёгкого deja vu: пробуждение до жути напоминало то, что случилось на этом же алтаре в первый раз.

Не просто пробуждение – возвращение из пустой, всепоглощающей, страшной черноты небытия.

– Вот что случится с тобой, если я отрежу тебе доступ к моей энергии. А я могу сделать это в любой момент. С любого расстояния. Убеги ты хоть на другой конец страны. – Голос Герберта, звучавший откуда-то сбоку, был на диво спокоен. – Ты погрузишься в стазис. Станешь просто телом. Не разлагающимся, но безжизненным. А разбудить тебя вновь смогу только я. Потому что ты думаешь, говоришь и двигаешься за счёт моей энергии. Потому что ты магически привязана ко мне. Навсегда.

Ева села. Повернула голову: некромант стоял неподалёку от алтаря, заматывая руку летающим бинтом. Лицо его было не выразительнее фарфоровой маски.

Вот, значит, как. Теперь она питается от него, как от... розетки. А Герберт может просто включить и выключить её, как электроприбор. Как вещь. Что не постеснялся продемонстрировать.

Впрочем, его можно понять.

– Ты внушила Эльену отпустить тебя. Ты стёрла ему память об этом, – сказал некромант, неотрывно глядя на неё,

пока ножницы сами собой перерезали бинт. – Как ты это сделала? Как преодолела мой приказ?

Значит, сработало, удовлетворённо отметила Ева, спустив ноги с гладкого камня.

– Что ты делала в городе?

И, видимо, следы ауры отследить нельзя, добавила Ева про себя, коснувшись пола подошвами сапог. *Иначе тебе уже был бы известен весь мой маршрут. Или хотя бы то, что я заходила в лавку.*

– А ты не знаешь? – выпрямившись рядом с алтарём, на всякий случай уточнила она.

Герберт шагнул вперёд.

Того, что за этим последовало, Ева не ожидала – и поэтому не успела увернуться от ладони, хлестнувшей её по щеке.

– Безмозглая кукла. – Последнее слово выплюнули так, что самое забористое ругательство не прозвучало бы непристойнее. – Ты действительно настолько глупа? Тебе не приходило в голову, что случится, если кто-то из моей семьи узнает о твоём существовании? Что Айрес сделает с тобой и со мной?

Машинально прижав пальцы к ушибленной скуле, Ева молча смотрела на некроманта.

Больно не было. Не потому, что венценосный сноб сдерживался – от силы удара голова её мотнулась, заставив отшатнуться и почти упасть обратно на алтарь, – но по другим причинам, выявленным за время прогулки. Было неожидан-

но. И очень, очень обидно.

Ева улыбнулась. Резко развернувшись, направилась к выходу из библиотеки.

– Я тебя никуда не отпускал! – Слова обжигали слух, как лёд обжигает кожу. – Ко мне. И отвечай на вопросы.

Колдовской приказ захлестнул, лишил воли, потянул назад... и Ева зажмурилась.

Что есть приказ? Слова. Не более. Слова, предполагающие огромное количество смыслов и трактовок. Сознание человека – на беду – склонно истолковывать их прискорбно однозначно; но человеку мыслящему нетрудно вывернуть наизнанку любой смысл и любые слова.

Я обязательно подойду к тебе, очень убедительно проговорила Ева. Про себя, больше себе, чем тому, кто остался за её спиной. *И на вопросы отвечаю.*

Позже. Неправду.

Тело, уже пытавшееся развернуться, замерло – и, ощутив, как возвращается к ней утраченный контроль, Ева шагнула вперёд.

– Подойди ко мне!

В голосе некроманта прорезалось удивление.

Улыбаясь всё так же широко и безумно, Ева продолжила путь к двери.

...забавно, до чего может довести софистика. Как просто извратить даже простое предложение, убедив себя в том, что ты ничего не нарушаешь. Если ты не бестолковый зомби,

которыми венценосный сноб привык управлять. Взять хоть вчерашний его приказ: *«Не вздумай покинуть замок, пока меня нет»*. Что значит «пока меня нет»? Ведь где-то там, куда бы некромант ни отлучался по своим делам, он всё равно есть. Если б он умер, тогда смело можно было бы утверждать, что «его нет», а раз где-то он есть, пусть даже не в замке, Ева имеет полное право этот замок покидать, верно?..

– Сию секунду! Подойди! Ко мне!

Миг Ева прикидывала, что можно этому противопоставить. Повернула обратно, не особо расстроившись – придумает на досуге.

Мучительное размышление, читавшееся во взгляде венценосного сноба, разлило в душе жгучее удовлетворение.

– Ты сопротивлялась мне.

Из тихого голоса Герберта уже ушли яростные, кричащие нотки.

– Разве? Я и не заметила.

– Как ты можешь мне сопротивляться? Отвечай!

Неправду, повторила Ева, когда магия удавкой сдавила горло.

– Говорю же, не заметила. – Она пожала плечами с насмешливой, издевательской невинностью. – Ты сам обмолвился, что из иномирян получают могущественные маги. Может, моё колдунство сильнее твоего? И у тебя просто силёнок не хватает держать меня в узде?

Не отводя немигающего взора, Герберт склонил голову

набок.

– Формулировки, – медленно проговорил он. – Слабость формулировок. Ты разумна, в отличие от обычной нежити. Ты способна трактовать приказы, как тебе угодно. – Он помолчал. – Ясно. Приказываю тебе... – Вдруг осёкся. – Ты ведь не перестанешь искать лазейки, да?

– Не-а, – подтвердила Ева весело.

– И делать всякую ерунду мне назло. Пользуясь тем, что ты нужна мне.

– О чём ты? Мною движет элементарный научный интерес. Это ведь так здорово, раздвигать границы своих возможностей!

Герберт тоже улыбнулся.

Какой бы зловещей ни была эта улыбка, она не заставила Еву опустить глаза.

– Я ведь и разозлиться могу, – это прозвучало мягко, почти вкрадчиво. – А когда я злюсь, я становлюсь... неприятным.

Ева вспомнила пощёчину: она бы наверняка жгла щёку, не препятствуя этому техническими причинами. Протянула руку к столику, где некромант держал свёрток с инструментами. Рядом с ножницами лежал ланцет. Сияющее лезвие резало даже взгляд.

– Не советую покушаться на мою жизнь, – следя за ней без малейшего страха, сказал Герберт. – Сама понимаешь почему.

Выдернув ланцет из кожаной петли, Ева сжала серебряную рукоять. Развернула левую руку ладонью вверх. Когда блестящий металл полоснул по коже, рассекая её глубокой косой раной, лезвие окрасилось алым, но крови почти не было.

Боли не было вовсе.

Ева проследила, как свежий порез на ладони тут же заживает, оставляя узкую красную полосу, – чувствуя лишь, как стягивается заново срастающаяся кожа. Это было странно: сохранить чувствительность, но не ощущать боли. Как была странной регенерация уже неживых тканей.

Впрочем, Герберт ведь обещал – она всегда останется такой, как сейчас.

Тогда Ева не до конца поняла значение этих слов.

– Даже такая рана быстро затягивается. Надо же. – Она подняла глаза на некроманта, неотрывно наблюдавшего за её действиями. – Я не чувствую боли. Я не дышу. Я не живу – я существую. Как ты любезно сообщил, за твой счёт. Что ещё ты можешь со мной сделать?

Она могла понять и раньше. Например, когда царапала ногтями пол, пытаясь вырваться из лап его теней. Но поняла лишь сегодня: когда упала в лесу, ободрав ладони о булыжник и не почувствовав ничего. Ни когда упала, ни когда ссадины на глазах исчезли.

– Боль бывает не только физической.

В словах Герберта тоже послышалось раздумье.

– И что ты сделаешь? Уничтожишь мои вещи? Отнимешь у меня последнее, что я могу потерять? Переломает пальцы, которые тут же заживут? Прибегнешь к насилию? – Ева бросила ланцет обратно на стол. – Если готов унизиться до моих «немёртвых прелестей», вперёд. Сделай это, сделай что угодно из того, о чём я говорила, – и тебе проще будет меня упокоить, потому что я буду сопротивляться каждую секунду. Но ты не можешь меня покалечить. Калека королеву не свергнет. И не можешь меня упокоить. Не навсегда. И контролировать, держа в клетке, не сумеешь. Не постоянно. В конце концов, моё предназначение не в этом. Ты же сам говорил что-то о предназначении, правда? – Она смотрела на него: прямо, борясь с желанием привстать на цыпочки, чтобы можно было делать это не снизу вверх. – Ты бесчувственный расчётливый лицемер. Ты считаешь королеву своей семьёй, но это не мешает тебе строить козни за её спиной. Чем тогда ты лучше неё? – Губы её презрительно дрогнули. – У меня нет ни малейшего желания тебе помогать.

– Неудивительно, – довольно-таки равнодушно откликнулся некромант. – Я слышан, что иномиряне – неблагодарные создания.

– *Неблагодарные?* – Ева скрестила руки на груди, судорожно вцепившись пальцами в предплечья. – Я убита тобой драгоценной тётушкой. Раз ты нашёл меня прежде, чем умер мой мозг, то наверняка был неподалёку, когда она меня убивала. Просто не решился связываться с ней. Не ре-

шился вступить в открытый бой, чтобы спасти глупую пришлую девчонку. Положился на то, что пророчество не может лгать – а раз так, у тебя наверняка получится вернуть меня. Ведь управлять неживой мной... привязанной к тебе, зависящей от тебя... куда проще, чем живой. Не будь я тебе нужна, чтобы заполучить трон, ты просто оставил бы меня гнить в том лесу. Как только я перестану быть нужной, наверняка и оставишь. Скажешь, неправда? – Не в силах выносить спокойствие в его лице, Ева отвернулась, чтобы не начать кричать – или в свою очередь его не ударить. – Я хотела относиться к тебе по-хорошему, Герберт. Правда хотела. Я была искренне благодарна за то, что ты меня ожи... поднял. Но я не твоя вещь. И не твоя служанка. Я могу помочь тебе, могу даже услужить, но не когда ты считаешь меня пустоголовой марионеткой, которую можно облить помоями, а потом заставить плясать или спрятать в сундук по своему усмотрению. Не когда ты считаешь себя вправе меня унижать. Потому что я свободный человек со свободной волей. С характером, с которым надо считаться, с желаниями, которые надо учитывать, с интеллектом, который не стоит принижать, и с чувствами, которые можно задеть. – Не дожидаясь и не желая слышать ответ, она зашагала к выходу. – Когда ты это усвоишь, тогда и поговорим.

Она ожидала, что Герберт снова её остановит. Ожидала, что тот попытается ответить на её тираду. Может, отвесить ещё одну оплеуху.

Не попытался.

– Тебе не победить меня, – сказал он негромко, когда Ева почти приблизилась к двери.

– Мне и не нужно, – бросила она через плечо. – Но поверь, мои бесконечные проигрыши тоже доставят тебе немало проблем.

Покинув треклятую библиотеку (наконец – беспрепятственно), пошла наверх: к Дерозе и тому, что должно было ждать её спрятанным в платяном шкафу.

Куклы ожили, милый принц, думала Ева, поднимаясь по лестнице. Ты привык властвовать в безмозглom кукольном царстве. Привык отдавать приказы, которые выполняют без раздумий. Но раз ты решился обзавестись другой игрушкой, изволь платить.

Тем, что отныне правила игр устанавливают обе стороны.

Глава 6

Trille du diable⁹



Их война с Гербертом продлилась неделю.

На другой день Ева попросила прощения у Эльена. Призрак не злился, ни в чём её не винил, но смотрел так пе-

⁹ «Дьявольские трели» – название знаменитой скрипичной сонаты Джузеппе Тартини, итальянского композитора XVII века.

чально, что сердце девушки обливалось бы кровью, если б та только могла его обливаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.